

Nikita Shokhov Bio
visual artist and filmmaker

Currently a graduate student at California Institute of the Arts in Film and Video program and Integrated Media. Shokhov was trained at the Rodchenko Art School Moscow, under the guidance of the well-known photographer Igor Mukhin, and received a degree in Photography and Multimedia in 2013. He also studied Cinematography at the Sverdlov Film Studio in 2009.

His long-term projects focus on the dualities of human nature: body and mind, carnival culture and myth, science and religion, sexuality and politics. Shokhov was awarded World Press Photo 2014 for his series Utrish. His work has been exhibited and published internationally, in the UK, USA, Russia, France, Netherlands, Argentina, Germany, Switzerland, Poland and China. Recent exhibitions include The Last March in Moscow Museum of Modern Art, The 23rd Watermill Center Summer Benefit & Auction in NY, GRAD gallery in London, 5th Photoquai Biennial in Paris, Manifesta 10 in St. Petersburg, and the 6th Moscow Biennial of Contemporary Art, among others.

Interviews and features of his work have been published in The New York Times, The Guardian, Le Monde, Interview, Harper's Bazaar Art, ELLE, TV Rain, L'Express, Courrier International, IL, China Newsweek, L'Insense Photo, Calvert Journal, Afisha magazine, Lenta.ru, Snob, Time Out, Kommersant, Colta.ru, and YET magazine.

Nikita participated in workshops with documentary photographer Ed Kashi (ICP, NYC), book publisher Hannes Wanderer (Peperoni Books, Berlin), documentary photographer Davide Monteleone (Rome), and Bas Vroeghe (Director of Paradox Media, Amsterdam).

In collaboration with curators, architects and designers he created site-specific installations for 5 his projects: Ice, Scan, Sacred Procession, Flaming Motors, Kids. From 2010 to 2015, he worked mainly with photography. During that time he completed 11 projects that participated in 6 solo and about 30 group exhibitions.

Since 2011 collaborates with Anna Eve in production of long-term projects. In 2013 they started experiments with digital photography using a slit scanning technology in an unusual way. This SCAN project lies at the intersection of digital photography, physics, carnival traditions, and documentary.

For his most recent works Shokhov integrates his own practice with video; involving performers, musicians, choreographers, architects and designers. In 2016, he was invited to work with avant-garde theatre director Robert Wilson as a participant in his International Summer Residency Program at the Watermill Center in NY.

NIKITA SHOKHOV CV

Born on February 15, 1988 in Kamensk-Uralsky, Ural Region of Russia.
Lives and works in the United States.

EDUCATION:

2013 Photography and Multimedia, The Rodchenko Art School, Moscow
2009 Cinematography, Sverdlov Film Studio, Yekaterinburg
2007 Law Enforcement, Ural Law College, Yekaterinburg

MASTER CLASSES:

2016 Robert Wilson, The Watermill Center International Summer Program, NY
2014 Hannes Wanderer from Peperoni Books, Berlin
2013 Davide Monteleone from Rome
2012 Bas Vroege from Paradox Media Projects, Amsterdam
2011 Ed Kashi from International Center of Photography, NYC

AWARDS:

2015 Silver Camera, "Kids"
2014 World Press Photo, "Utrish"

SOLO EXHIBITIONS:

2017
"The Last March" collaboration with Naum Medovoy, Moscow Museum of Modern Art, Moscow
"Ice" screening at ARTDOCFEST film festival, Moscow
"Scan", Alvit Gallery, Yekaterinburg
2015
"Sacred Procession", Baltic Biennial of Photography, Kaliningrad
"Children: personal space", Gallery Peresvetov, Moscow
2014
"Moscow Nightlife", Moscow Biennial of Photography
2013
"Black Sea vacations", Biennial Fashion and Style in Photography, Moscow
2012
"Empty Hills. The Space of Joy", Galerie Iragai, Moscow
"Sochi. City of the future Olympic Games", White Nights Festival, Perm

SELECTED GROUP EXHIBITIONS:

2016

“ICE”, The 23rd Annual Watermill Center Summer Benefit Auction | FADA: House of Madness, Water Mill, NY

2015

“Sacred Procession”, The 5th Photoquai, musée du quai Branly, Paris

“GAZ. Hope”, The 6th Moscow Biennial, Moscow

“Borderlands”, Gallery for Russian Arts and Design, London

2014

“Twelve Reflective Photographers”, Manifesta 10, St. Petersburg

“Moscow. Barocco”, Triumph Gallery, Moscow

“Artistic invention of yourself and the pure enjoyment of life and love”, Austrian Cultural Forum, Moscow

“Moskovia. Research”, All-Russian Decorative Art Museum, Moscow

“Young”, GUP gallery, Amsterdam

2013

“Stability. Ghosts”, Random gallery, Moscow

“Trash”, RuArts gallery, Moscow

“The Happy End”, Multimedia Art Museum, Moscow

“What is behind this curtain?”; Gallery Random, Moscow

2012

“The Stone Flower”, National Center of Contemporary Art, Moscow

2011

“Life in Motion”, International Center of Photography, NYC

PUBLICATIONS:

New York Times (USA), The Guardian (UK), Le Monde (France), Harper's Bazaar Art Russia, Interview Russia, ELLE Russia, TV Rain (Russia), L'Express (France), Courrier International (Italy), IL (Italy), Fluter (Germany), China Newsweek, L'Insense Photo (France), DUMMY (Germany), Calvert Journal (UK), Afisha (Russia), Lenta.ru (Russia), Snob (Russia), Time Out Moscow, Kommersant (Russia), Colta.ru (Russia), YET magazine (Switzerland), Revista Colada (Argentina).

AGENCIES:

Institute Artist, USA and UK

LUZ, Italy

Salt Images, Russia

Selected Publications

BLOOM Magazine. 2018

arts/entertainment

Captions go here.
Courtesy photos

Russian Couple Make Art Film In Bloomington With Local Cast

by Peter Dorfman

In the fall of 2018, if all goes according to plan, audiences will get their first look at *The Klaxon*, a 47-minute art film about identity and race in America, shot in 360-degree video, largely in Bloomington.

Nikita Shokhov, 29, and Anna Evtiugina, 31, the married Russian couple who produced and directed it, are still discussing how the film will be exhibited. The goal is for audiences to have an immersive experience, delivered either through a virtual reality headset or multi-wall, 360-degree projection.

"The language in the film doesn't have a typical narrative structure," Evtiugina says. "A lot of it is really meant to focus your attention on the sound of the words, not the words themselves."

Core scenes were shot in November. The protagonist is situated on a bed within surreal, claustrophobic sets built in a performance space at the Ivy Tech John Waldron Arts Center, and in an ornate parlor at the Indiana Memorial Union. Most of the cast are local amateur actors with whom Shokhov used a guided improvisation technique he developed for films exploring controversial issues in Russia. Additional scenes will be shot in New York City and along the New England coast.

The final cut also will feature animated ants. They're suggested by the script in one of its more dreamlike sequences.

The script is based on a play by American writer Justin Howe, who Shokhov met at a Buddhist monastery in California. The play

originally focused on a female character struggling with identity. Shokhov and Evtiugina added their intention to deal with race by casting an African American protagonist.

The text is abstract, written in several modes, alternately poetic, mathematical, and casual. The central text of the film is the monologue of the main character, understood to be a black woman, but played by several actresses, including Greta Lind, a Bloomington-based actress who is white.

"I really related to the idea of different modes of language," says Lind, who acted in two Hollywood films in 1993, but hadn't been in front of a camera since until agreeing to perform in *The Klaxon*. "The text was difficult, but I just rolled with the experience and trusted Nikita as an artist."

The project was conceived and funded with a November symposium held at the Indiana University Neal-Marshall Black Culture Center entitled "The Art of Becoming Black in America." It was funded by grants and in-kind aid from Indiana Humanities, IU, Ivy Tech, the Puffin Foundation, and Blockhouse Studios.

Shokhov and Evtiugina are digital nomads who have lived in the United States for two years while Evtiugina worked on her master's in arts administration at IU. Shok-

hov is a photographer and filmmaker, whose projects have included art films, multimedia projects, and irreverent photo essays on Russian life in the Putin era. While living in Bloomington, he has worked as a commercial photographer and photojournalist, taking assignments with Russian media and *Bloom Magazine*.

It is unclear where Shokhov and Evtiugina will go after *The Klaxon* premieres. "We go from project to project," Evtiugina says. "We'll see where life takes us." ✨

Gosha Rubchinskiy's Russian Men's Wear Show

Nikita Shokhov

By Alexander Fury

Jan. 13, 2017

It was strange, going to Russia to see the Russian designer Gosha Rubchinskiy's fall 2017 Russian-inspired men's wear show — especially in light of recent revelations of Russia's involvement in the United States presidential election. But it was also strange in a fashion sense. Rubchinskiy didn't show in the flashy, style-obsessed Moscow, nor in picturesque St. Petersburg, but in the gritty coastal city of Kaliningrad, the capital of a Russian exclave between Poland and Lithuania, which was captured by the Red Army in 1945. Perhaps the notion of Russian victory was on Rubchinskiy's mind — Kaliningrad will also be home to one leg of the FIFA World Cup in 2018.

But Rubchinskiy was, in fact, thinking the opposite. “I think it’s important, in a time of strange things in politics, when some countries go to nationalist ideas and want to be isolated, I feel things like football, or music, or fashion, can unite people,” the 32-year-old designer said. It wasn’t the rampant nationalism of fervent soccer fandom he was tapping into: rather, the collective experience of the sport bringing disparate people together. Considering that Rubchinskiy’s brand is inextricably tied to ideas of Russian identity, notions of masculinity and the uniforms of youth culture, it was the perfect jumping-off point.

The designer has an affinity for 1930s architecture — last June, he presented his [spring 2017 collection](#) in the courtyard of a Brutalist-style building in Florence, a space that looked more Russian than Italian. But in Kaliningrad, he chose a venue that represented the city’s history: the former Königsberg Stock Exchange, built on the banks of the Pregolya river in 1875 in a style influenced by the Italian Renaissance. Under Soviet occupation, it was converted into the Mariner’s Hall of Culture; it is now the Regional Centre of Youth Culture. Nikita Shokhov

The collection also signaled the start of a collaboration with Adidas. According to Rubchinskiy, the sportswear giant and sponsor of the Russian soccer team came to him and said, “You’re the face of Russian fashion, and we’re the face of football.” The two came together with a series of co-branded Adidas sportswear, sometimes printed with the word “Football” in Cyrillic, mixed with everyday clothing, from suiting through knitwear and overcoats, like the off-duty attire of football fanatics.

In the past, Rubchinskiy has been inspired by crews of Soviet skateboarders and the teenage denizens of '90s St. Petersburg nightclubs. But he hasn't shown in Russia since 2009, when he presented his first three collections in Moscow. So, why start again with the tiny and obscure Baltic city of Kaliningrad? "A small piece of Russia in the middle of Europe," is how Rubchinskiy described the city — which could also describe the designer's recent shows, which have been staged in Paris and, last June, in Florence.

For fall 2017, Rubchinskiy unveiled a collaboration with the German sportswear brand Adidas, tied to the 2018 FIFA World Cup, which inspired the entire collection. This collaboration was a key reason for showing in Kaliningrad: not only does it house one of the stadiums to be used in the soccer tournament, but its dual heritage reflects the fusion of the two labels. "German brand, Russian designer," Rubchinskiy says. *Nikita Shokhov*

The Kaliningrad show is the first of a series of shows and events linked to the Rubchinskiy Adidas collaboration. "It's not a random, fast collaboration," the designer said. "We don't want to collaborate for just one season." Rubchinskiy wouldn't be drawn out on what the other events will consist of ("I like surprises," he said) but did concede that they will be staged in different locales across Russia.

Despite his use of Cyrillic text, the strange '80s-tinged proportions of his sportswear-heavy looks and his casting of pallid teenage models, Rubchinskiy bristles when people describe his clothes as post-Soviet. "A portrait of today's youth" is how he described this show, and in its staging, he was keen to dispel myths and aesthetic clichés about Russia. "That's why I decided, let's not invite people to Moscow. Everyone's seen Moscow — but invite to a small city," Rubchinskiy said, smiling. "To show what Russia is."

Chi è il signor Putin?

Padrino di criminali e repressore della libertà o vigoroso baluardo dei sani valori tradizionali? Ritratto di un presidente che è diventato un'improbabile icona pop

di Anna Zafesova

Fotografie
di Nikita Shokhov

Who is Mr. Putin?. Questa domanda, apparentemente innocente, mandò in tilt i ministri russi a Davos nell'inverno del 2000: invece di rispondere, si scambiarono occhiate imbarazzate. Vladimir Putin si era insediato al Cremlino da pochi giorni ed era un oggetto non identificato, uscito fuori dal nulla e diretto verso una destinazione ignota. Oggi in Rete gira *Whoismisterputin*, un documentario di Valery Balayan che denuncia, con testimonianze e documenti, il legame che il vicesindaco di Pietroburgo Putin aveva con cosche mafiose di Tambov. La stessa accusa ripresa dal ministero del Tesoro degli Stati Uniti, che sospetta Putin di aver «accumulato ricchezze immense», e da Sir Robert Owen, *coroner* di Sua Maestà che nel rapporto sull'omicidio di Alexandr Litvinenko individua legami tra l'entourage di Putin e la criminalità organizzata.

Sedici anni dopo l'arrivo di zar Vladimir alla guida della Russia la domanda «Who is Mr. Putin?» resta ancora attuale, e le risposte sono tante, e diametralmente opposte. Per alcuni è la fonte di ogni male, l'uomo del Kgb che tira le fila di trame oscure, il mandante di omicidi in mezzo mondo, il padrino di una rete di crimine e corruzione, il difensore di dittatori, il manipolatore di terroristi e il repressore delle libertà. Per altri è un eroe del mondo oppresso dal

capitalismo americano, l'ultimo baluardo dei valori tradizionali, il leader decisionista, lo stratega e tattico imbattibile. È un'icona pop, che ha ispirato quadri, monumenti, profumi, t-shirt, canzonette e torte di cioccolato, e la somiglianza non casuale dello 007 di Daniel Craig con il presidente russo è un sintomo di quanto il personaggio abbia colpito l'immaginario non soltanto dei russi. Eserciti di analisti cercano di decrittare i suoi moventi nascosti osservando il suo modo di camminare («da pistolero», è l'ultima diagnosi di un team olandese), di esercitarsi in palestra (un disastro, è stata la bocciatura delle riviste di fitness americane), e di usare le parole.

Una gloria quasi ingombrante per un uomo schivo e diffidente, che non ama vivere a Mosca e passa la parte migliore della sua giornata nella solitudine della palestra e della piscina nella dacia di Novo-Ogarjovo. «Non parla, non sente la necessità di sorridere, non ha voglia nemmeno di bere qualcosa», racconta un suo stretto collaboratore a Ben Judah, autore di *Fragile Empire: How Russia Fell In and Out of Love with Vladimir Putin*. Il presidente russo è un uomo che è stato visto sorridere soltanto ai suoi cani, freddo e solo, con una moglie che l'ha lasciato dopo un esaurimento nervoso. Sembra non concedersi alcun vizio, anche se il gossip gli attribuisce ginnaste e campionesse di pugilato occa-

sionali. Nel suo *Fragile Empire* Ben Judah ha raccolto decine di testimonianze sull'asettico mondo di Putin: non beve, mangia solo prodotti dietetici, solo *made in Russia* e solo degustati prima dagli assaggiatori, anche durante i ricevimenti all'estero, non usa internet e non si fida del telefono. Si appassiona soltanto alle partite di hockey sul ghiaccio, a cui invita i suoi collaboratori più intimi che fanno giocare le loro guardie del corpo: un mondo esclusivamente maschile, muscolare, cameratesco. Come quella «strada di Leningrado» che ha insegnato a Putin che «se una rissa è inevitabile bisogna picchiare per primo», come ha spiegato la decisione di mandare gli aerei russi a bombardare la Siria.

Stanislav Belkovsky, il politologo che ha dedicato gli ultimi anni allo studio del presidente russo, sospetta che Putin affronti la politica internazionale con l'impianto mentale e comportamentale plasmato «nell'ambiente dei teppisti di cortile», in cui la regola fondamentale è la forza, e per essere forti non bisogna mai farsi mettere in discussione. È questa visione della «verticale di potere» che l'ha spinto a circondarsi soltanto di fedelissimi legati da amicizie, parentele e affari, come Boris Glyzlov che, appena insediato come presidente della Duma, dichiarò: «Il Parlamento non è luogo di dibattito». Allevato da un sistema gerarchico come il Kgb, Putin fundamen-

te non si fida delle regole, ma soltanto dei rapporti personali, e si infuria con il presidente turco Recep Tayyip Erdoğan non tanto per avergli abbattuto un caccia, quando per «non essersi scusato: bastava alzare il telefono». Una dimostrazione di sottomissione, e infatti Putin non ha mai ammesso di avere torto: «Dio mi ha protetto dal fare errori», ha dichiarato in una recente intervista al *Corriere della Sera*.

È questa incapacità di fare marcia indietro che ha fatto infuriare Angela Merkel, quando in un momento di *Realpolitik* gli chiese cosa volesse «davvero» nel contenzioso sull'Ucraina, e il presidente russo - dopo aver fatto aspettare la cancelliera, come sua abitudine, per un paio d'ore - le rispose snocciolando tutte le solite accuse di complotto occidentale ai suoi danni, insistendo che prima di ogni discussione su un eventuale compromesso l'Occidente avrebbe dovuto riconoscergli che aveva ragione. È questa rigidità che gli sta facendo perdere anche vecchi amici come Vladimir Yakunin, per anni onnipotente capo delle ferrovie e componente della cerchia intima putiniana fin dai tempi della cooperativa «Laghetto», dove negli anni Novanta un gruppo di funzionari pieturburghesi si fecero le dacie, frutto del primo benessere postcomunista. Un fedelissimo, dello stesso gruppo stretto dei fratelli Arkady e Boris Rotenberg, compagni di judo

Le fotografie di questo servizio fanno parte del progetto *Inauguration Night's Dream*, che prende spunto dalla cerimonia di insediamento di Putin alla presidenza del 7 maggio 2012

del giovane Putin e oggi principali vincitori delle gare d'appalto statali, dalle Olimpiadi di Sochi ai gasdotti di **Gazprom**, o di Gennady Timchenko, diventato uno degli uomini più ricchi della Russia grazie al quasi monopolio sull'export di petrolio russo. Oggi si fanno tutti compagnia nelle liste delle sanzioni occidentali, ma a differenza dei vecchi oligarchi eltsiniani il loro potere e la loro ricchezza dipendono soltanto da Putin, e il calcolo che la perdita di ville e conti in Occidente li avrebbe costretti a fare pressioni sul loro illustre amico per ora non ha funzionato. Yakunin ha dato le dimissioni all'improvviso e dopo un paio di mesi ha rotto il silenzio per spiegare il motivo: suo figlio aveva chiesto la cittadinanza britannica. Un tradimento, benché il capo delle ferrovie fosse uno dei pilastri del regime, tanto da dichiarare che «il vero Califfato è la **Santa Russia**». Ma nella scelta tra il futuro occidentale di suo figlio e il potere in Russia non ha avuto esitazioni e, in un'inusuale intervista con *Bloomberg*, ha avvertito i non meglio identificati nuovi arrivati nella cerchia intima di Putin che «i loro privilegi e beni non sono inalienabili, dipendono dalla visione del bene del Paese che il presidente ha in questo momento».

Un sistema "putinocentrico": ogni consenso, promozione e dibattito nascono e vertono intorno al presidente, unico motore e protagonista della politica nazionale. Un potere che è stato concentrato per anni, in una serie consecutiva di giri di vite, nazionalizzazioni e nomine. Ma che non sarebbe stato possibile accumulare senza una **popolarità** impressionante, quella che ha permesso a un uomo timido e senza alcun vezzo narcisista del dittatore carismatico di diventare un idolo in cui i russi non hanno mai smesso di

La Russia di Putin si sta ricostruendo una storia *patchwork* che boccia la rivoluzione (Lenin e il 1917) e salva la stabilità (Stalin e gli zar). Intanto attribuisce ogni male all'Occidente, ma sogna ville e passaporti europei

credere, fino a raggiungere l'incredibile 89 per cento dei consensi dopo tre lustri, quando perfino i leader più brillanti cominciano a scontare la stanchezza. Una popolarità improvvisa che ha stupito perfino gli artefici dell'ascesa di Putin, come **Serghey Pugaciov**, l'"oligarca ortodosso" che lo ricorda oggi dal suo esilio europeo con disprezzo: «Rimase sconvolto davanti alla piscina olimpionica della sua nuova dacia. Non so se gli piacesse nuotare, prima al massimo avrà nuotato nella sua vasca da bagno». Sedici anni dopo lo scialbo funzionario messo al Cremlino dalla "famiglia" di Boris Eltsin proprio perché anonimo e inoffensivo festeggia il compleanno con spettacolari lanci di missili in **Siria**. E resta, nonostante le ovvie perplessità sull'affidabilità dei sondaggi in Russia (il 33 per cento degli interrogati confessa che non darebbe mai a un sondaggista una risposta che contraddice la linea ufficiale), il politico più popolare in Russia.

Un meccanismo le cui ragioni profonde vengono spiegate con la teoria del sociologo Simon Kordonsky, il quale sostiene che la Russia sia «il Paese dell'anomia». Nessuno degli studenti del professore è in grado di rispondere a domande semplici come: «In quale continente abitiamo?» (le risposte variano da «Europa» ad «Asia» passando per «Eurasia»), «A quale classe sociale appartiene?» (di solito l'interrogato riesce a identificarsi al massimo con un

ceto, come i dipendenti pubblici o i militari) e «Quale sistema sociale abbiamo?» (capitalismo, socialismo, feudalesimo: la confusione è massima). Sintomi di un gigantesco shock post-traumatico, di una crisi identitaria in cui, con il **crollò del comunismo**, è cambiato tutto: il modo di fare carriera, di guadagnare soldi, i simboli del prestigio sociale, i rapporti familiari, le aspirazioni, i sogni e le appartenenze. Putin, il «figlio di una donna delle pulizie e di un operaio» (frase per la quale il satirico **Viktor Shenderovich** è stato censurato perfino dalla radio liberale *Eco di Mosca*) che sognava una carriera nel Kgb come massima aspirazione e che, dopo la fine del sistema sul quale aveva scommesso, pensava di doversi ridurre a usare la sua Volga comprata con la missione nella Ddr per fare il tassista, è la vendetta di tutti, oligarchi e manovali, per il collasso di quel mondo. Condivide le loro frustrazioni, le paure e le delusioni, i traumi e i sogni. Come loro, non parla mai di futuro, ma dedica tanto spazio al passato, e considera l'evento più importante del 2015 la celebrazione del settant'anni della vittoria sul nazismo: scenografica, imponente, ma pur sempre una cerimonia di ricordo. La guerra in Ucraina non è stata lanciata su un futuro di mercati e strategie – lo stesso Putin, come sempre migliore fonte di informazioni sui suoi moventi, ha ammesso che «la **Crimea** non

ha nessun valore militare» – ma su un passato che Kiev voleva rileggere in una chiave coloniale rifiutando le glorie sovietiche. E la parabola di Putin da quasi fan della Nato ai tempi degli accordi sponsorizzati da Silvio Berlusconi alla ferrea convinzione che l'Alleanza abbia come unico scopo demolire la Russia («Per dominare il mondo gli Stati Uniti non escludono di far collassare la Russia, ottenendo così accesso alle nostre risorse», ha appena dichiarato **Nikolay Patrushev**, segretario del Consiglio di sicurezza, successore di Putin alla guida dei servizi e fedelissimo del presidente) è la stessa del suo popolo. Un popolo che si sente respinto dall'Occidente nel quale sognava di occupare il posto che gli spetta invece di essere trattato da Paese del Terzo mondo.

L'Occidente quindi non può essere un modello e, in assenza di una proposta di futuro, l'autostima perduta con il franare dell'Unione Sovietica viene recuperata con un vittimismo nazionale e una ricostruzione eclettica della storia. Di recente Putin ha sconvolto i russi sbottando in pubblico e dicendo che Lenin «ha messo una bomba atomica sotto la Russia» concedendo autonomia alle nazioni che la componevano. Un ribaltamento totale del pantheon post-sovietico, che però trova riscontro nel terrore della rivoluzione che ha spinto anche molti intellettuali russi a schierarsi con Putin e contro la rivolta in piaz-

za di Kiev e che, al contrario degli eroi della perestroika (Putin, secondo Judah, ha dichiarato Mikhail Gorbaciov «un traditore»), premia come fondatore dello Stato non Lenin ma **Stalin**, «manager efficiente» come lo ha definito il presidente. Dove la qualità principale da ricercare è la stabilità, perché gli orfani dell'Unione Sovietica più di ogni altra cosa temono il caos. È un Paese «dal passato imprevedibile», come dice una battuta russa, che con l'aiuto di Putin si sta ricostruendo una storia *patchwork*, che salva gli zar e Stalin, boccia Lenin e il 1917, va fiera degli zar ma anche di conquiste sovietiche come lo spazio e l'Armata Rossa, accusa l'Occidente anche dell'epidemia di influenza e sogna ville e passaporti europei, in una confusione di identità sociali, etniche, culturali e politiche. E così, secondo Kordonsky, la Crimea strappata all'Ucraina diventa un perno sul quale ricostruire la percezione di un'appartenenza territoriale. In altre parole, l'annessione della Crimea, per usare un'intuizione brillante del rettore di Economia dell'Università di Mosca, Alexandr Ausan, persegue quella «espansione nello spazio» che «ha sostituito il progresso temporale, con la modernizzazione negata» a chi era sceso in piazza nel 2011 per chiedere più democrazia.

Lo storico **Vassily Zharkov** sostiene dalle pagine di *Gazeta.ru* che Putin è un seguace inconsapevole di Thomas Hobbes,

non a caso reduce anche lui dallo shock della rivoluzione di Oliver Cromwell, ed è una coincidenza curiosa che il disperato film di **Alexandr Zviagintsev** sulla provincia russa, praticamente censurato in patria, si intitoli proprio *Leviatano*. Per il leader russo, «lo Stato è la principale e unica garanzia di pace, stabilità e sicurezza, e anche di progresso, che non può venire da una rivoluzione», scrive Zharkov, notando come i principi di «guerra di tutti contro tutti» e *homo homini lupus est* siano fondanti per la visione putiniana e putinista.

Dalla fine della grande utopia comunista probabilmente i russi non potevano emergere se non come cinici disincantati, basta guardare l'espressione annoiata di Putin quando ascolta all'Onu **Barack Obama** parlare di valori e libertà globali. È uno dei moti

per cui il Cremlino è sinceramente convinto che il **Maidan di Kiev** sia opera della Cia: in un salotto moscovita l'idea che un milione di persone possa scendere in piazza per un ideale viene normalmente accolta con una risata e, non a caso, anche per organizzare i cortei filogovernativi le autorità ricorrono a manifestanti precettati e prezzolati, preferendo non fidarsi della spontanea adesione degli elettori, benché questi siano in stragrande maggioranza putiniani convinti. Dal basso non può venire nulla di buono e Putin, da conservatore in senso tecnico quale è, si ritiene l'unico argine al caos primordiale della «rivolta russa spietata e insensata» descritta da **Alexandr Pushkin**, un altro ex idealista giunto dopo l'incontro con lo zar alla conclusione che «in Russia l'unico liberale è il governo». Un

modello che, in un mondo sempre più liquido e disintermediato, trasforma la Russia, secondo l'amara diagnosi dell'ex ministro dell'Economia Gherman Gref, in un «Paese *downshifter* (cioè in volontario ripiegamento, ndr), che ha perso la competizione tecnologica con il mondo sviluppato». Gli anni del barile a 100 dollari hanno finanziato l'edificazione di una piramide monolitica, con lo zar che incarna quasi misticamente le aspirazioni del suo popolo, senza corpi intermedi e *check and balances*, che sono visti anzi come un intralcio. L'unità nazionale diventa ideologica e lo Stato si identifica con il governo in un sistema in cui l'alternanza al potere è quasi un sacrilegio, il viceresponsabile dell'amministrazione presidenziale Vyacheslav Volodin arriva a coniare la formula granitica «Senza Putin

non c'è la Russia» e la magistratura incrimina gli oppositori che, come **Mikhail Khodorkovsky**, chiedono un cambio al vertice. Un cambio che, secondo l'ex oligarca, a questo punto, e cioè «in assenza di elezioni oneste e altre istituzioni di potere, non può che avvenire attraverso una rivoluzione, inevitabile e necessaria». Esattamente l'incubo di Putin, perseguitato dalle immagini della morte di Muammar Gheddafi, un'ossessione sulla quale è tornato più volte. Per ora la crisi economica sembra non aver scalfito la sua popolarità. Ma il grido della signora in visone che insieme con altri sventurati stava assediando la banca alla quale deve pagare un mutuo in dollari ormai insostenibile – «Ridiamo indietro questa Crimea, non abbiamo più soldi per vivere» – è forse l'inizio della fine di un'epoca. ■

图片故事

每一个谨小慎微的灵魂 都在寻找狂欢的可能

文/种子

“大多数看过我的图片报道的人，都不会轻易批评照片里的年轻人，而是会批评我。因为我把莫斯科夜晚‘丑陋’的一面暴露无遗。”摄影师尼基塔·肖科霍夫对《中国新闻周刊》说。他的作品叫做《莫斯科的夜生活》。

从2010年到2015年，这五年来，肖科霍夫几乎每天晚上都在莫斯科形形色色的酒吧里。“我去过两百多个酒吧，但从不喝酒，也不会和任何酒吧里的人交朋友，因为我去那儿是干活的。”在导师伊戈尔·弗拉基米尔·穆辛的带领下，肖科霍夫成为了一名忠实记录“莫斯科夜生活”的摄影师。

最难忘的经历总是发生在第一次。“在一间名为‘天堂’的酒吧里，一只真的老虎被关在酒吧正中间的笼子里。”这是“李小龙功夫主题派对”，男人们都身着金黄色紧身衣，在一旁痛饮鸡尾酒，他们带来的姑娘则围着老虎笼子摇曳身姿，相比之下，老虎则显得更加从容、镇静。

“派对组织者给它注射了镇定剂。”每当肖科霍夫举起相机时，身高两米的黑人保安总会投来质询的眼神，“这里所有的服务人员都是黑人，酒保一次能得到5000卢布，约合200美元的小费。”

2015年，一名女孩在一间新开的俱乐部派对上，派对由一对舞者人夫主持，女孩也是一名摄影师。“这是她没有高跟鞋的原因。”

这一切，对于刚从外省小地方搬到莫斯科的肖科霍夫来说，是一场颠覆性的文化冲击。

文明到底意味着什么？

来自伊尔·巴赫金，苏联文艺学家，曾以“狂欢化理论”诠释过大众文化。在他的理论框架里，“狂欢”在某种程度上消解着文明。同时，也在重构文明。

在日常当中，人们会被各种形态的规则所约束，如礼仪、恭敬、仰慕甚至礼貌。然而在狂欢的场景里，这一切都不见了踪影。

莫斯科拥有漫长的夜晚，对于没有钱打车回家的年轻人而言，夜晚的终点是清晨五点半，地铁开始运行的时间。肖科霍夫总会搭乘首班车回家。对于像他一样清醒的人而言，夜店里到处弥漫着荒诞的气息。人们被最基本的欲望所控制。“他们似乎并非在跳舞、放松或交流，那种状态用灵魂出窍来描述更为恰当，仿佛是一场从身体中的出逃。”

在所有肖科霍夫拍摄的夜生活中，最疯狂，也最危险的一次发生在一家科幻小说店。2014年，莫斯科国家理工科学博物馆面临关闭，原本在博物馆内的一家科幻小说店搬到了不远处。

“乔迁派对”上迎来了三百个愤怒的“朋克音乐人”。“他们砸碎了书店里源自俄罗斯帝国时代的精美装饰，撬开硬木地板，用木头的碎片互相攻击，血流成河。店里的紫外线灯被他们扔向天花板，破碎的玻璃像下雨一样盖住现场每一个人。”在狂暴的仪式之中，肖科霍夫抱着相机，艰难地确保自己和器材的安全，“那一刻我感到害怕，如果人性中隐藏着这样的破坏和侵略属性，那么人类的未来究竟会向什么方向发展？”

粗鄙和庸俗，是巴赫金“狂欢化理论”框架的另外两个范畴，正如肖科霍夫所描述的那般，在狂欢化的仪式上，一切阶级、神圣、崇高卑贱、伟大渺小的对立都被打破，人性中的某一面得

到了充分的释放，短暂地从精神控制中逃离。“你无法否认这种周期性的需要和行为，尽管它看起来荒唐甚至可怕，但如果全然否定，也会对整个文明体系造成摧毁。”肖科霍夫说。

为了表达对俄罗斯婚姻制度的嘲讽，艺术家瓦尔瓦拉曾做过这样一个表演——在同一天里，同一个民事登记处和三个不同男子登记结婚。瓦尔瓦拉向自己的闺蜜借了三张不同的护照，显然，登记处的人既没有注意到证件上的照片和本人不符，也没有注意到结婚的新娘居然是同一个人。“我甚至怀疑他是否拍过头。”肖科霍夫说。

在“结婚三次婚”的时候，瓦尔瓦拉决定让登记官注意到自己，于是她把自己喝得酩酊大醉，同时邀请“新郎”身着高级警察服装出席。登记官用了一个多小时的时间把瓦尔瓦拉打发走，“我永远不要忘记当时周围那些正准备登记的新婚夫妇脸上的表情。”

夜晚，给了狂欢最好的掩饰。在所有莫斯科

2010年的万圣节派对上，肖科霍夫在夜店酒吧，拍摄了这个被称为“俄罗斯版”的假扮：男人通常吃三个雪糕球，假扮“俄罗斯”的假扮。这个“假人”手里拿着假枪，假扮俄罗斯人，酒吧是属于莫斯科城市建筑研究所。

没钱打车回家的人在酒吧里翻倒一桌，等待清理。肖科霍夫说，这些照片拍摄于2012年，就是那晚。“拍完以后，我就自觉地回家了。”肖科霍夫说。

照片拍摄于2012年，“红菜汤”酒吧一位名为“爱之舞”的假扮上。肖科霍夫并不认识这三个人，拍摄他们时他并不知道照片最终会呈现怎样的模样。

艺术家瓦尔瓦拉在同一天第三次婚礼上醉酒，晕倒在舞厅登记处，瓦尔瓦拉以此嘲讽婚姻制度。

夜店当中，“红菜汤”(Soyanka)是最有名的一间，通常来这里参加派对的人年龄从16岁到60岁不等，很多人兴之所至，会做出各种疯狂行为，这使得“红菜汤”名噪一时，成为了最开放的酒吧。很多来“红菜汤”的人，都是从事时尚、创意产业的专业人士：时尚杂志编辑、设计师、建筑家、艺术家和电影制片人等等。

肖科霍夫认为，前往奢华俱乐部的人更多地对钱色交易更感兴趣，而前往地下酒吧的人则更多欣赏那里的音乐，二者的共同之处在于都在寻找一些东西，并且一次又一次地得到了满足。“社会化的矛盾和亲密关系的问题在此得到了解决，因此夜生活里藏着社会的密码。”肖科霍夫说。

而如今，夜还在，生活却已渐渐逝去。“那些曾经在莫斯科夜晚风靡一时的夜店，如今都已经纷纷倒闭了。”

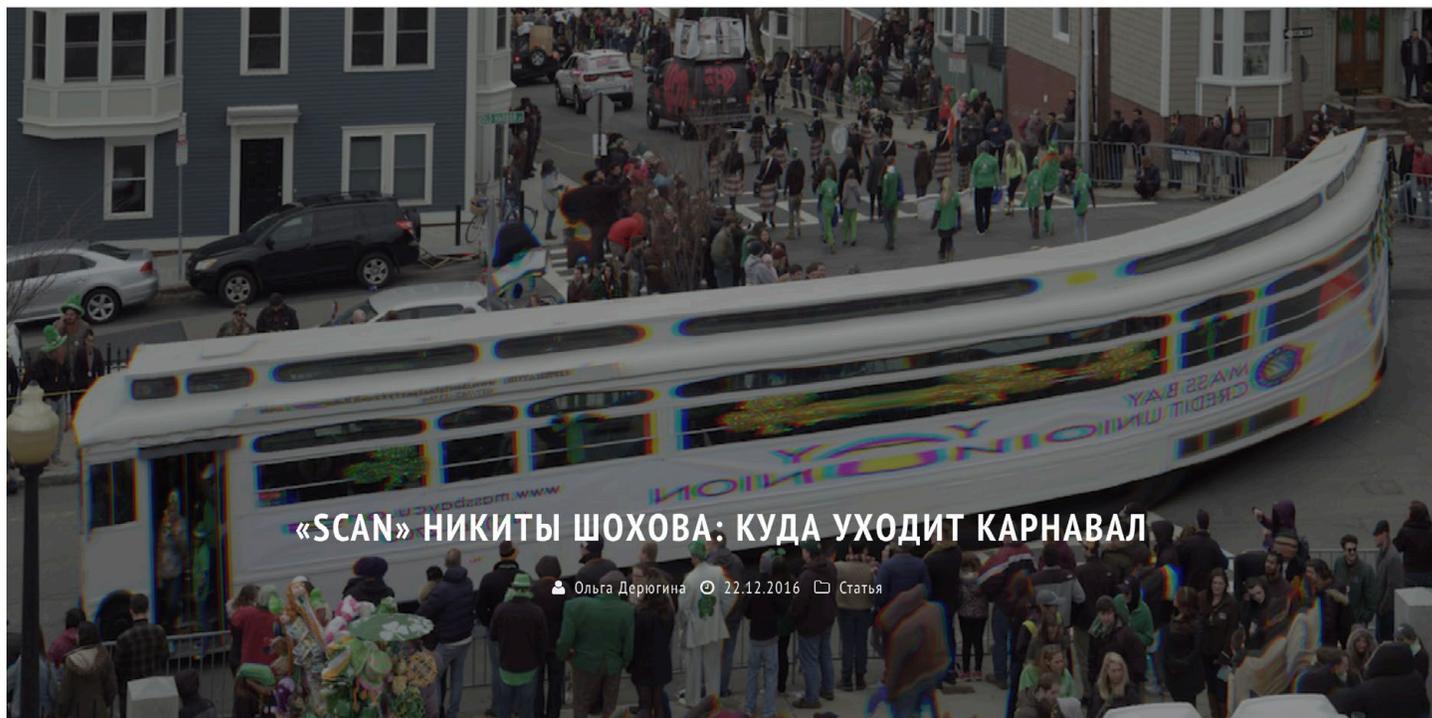
“在没有狂欢节的平凡日子里，每一个渺小微弱的灵魂都在寻找狂欢的可能。”2015年，肖科霍夫离开俄罗斯前往美国，终止了莫斯科夜生活的拍摄。★

2012年，万圣节一个多小时的夜晚，几个莫斯科青年将假扮者在夜店里疯狂的拍摄。“这是我最喜欢的照片之一，它揭示了整个系列的精神：莫斯科，夜晚，而夫妻，闪光灯以及无处不在的拍摄气息。”肖科霍夫说。

2011年11月21日的新年夜，通过红舞新年音乐会的禁止前三道士组成的假扮。演出门票是免费的，免费赠送的人总是很多，然而，因为新年的缘故，平日严厉的士兵也摆出了假扮的姿态，他们也是莫斯科夜生活的一部分。

«SCAN» НИКИТЫ ШОХОВА: КУДА УХОДИТ КАРНАВАЛ

Ольга Дерюгина 22.12.2016 Статья

Ловко продуманная импровизация на тему потерянного карнавного духа,
насыщенная образами почти раблезианского характера

Из всех видов искусств именно фотография как средство моментального запечатления действительности вынуждена быть самым гибким и чутким к веяниям времени. При этом она всегда оказывается на стыке различных восприятий, в зоне конфликта: то ей приписывают качества документа, то средства выражения субъективного взгляда на мир, то ее лишают специфических свойств, то видят в ней средство отражения социального статуса. Пожалуй, наиболее остро подобные противоречия и сомнения высказываются в профессиональных кругах. В фотографических школах разворачивается классический конфликт поколений.

В основе обучения московской Школы имени Родченко лежит разделение на мастерские — проектная фотография (Владислав Ефимов), непосредственная фотография (Игорь Мухин), документальная фотография (Валерий Нистратов). Хотя у каждого из мастеров существует собственная рецептура приготовления успешных проектов, нередко ученики сопротивляются, перебегают из одной мастерской в другую, едва встречая непонимание своих творческих экспериментов со стороны преподавателей, что, впрочем, является вполне естественным явлением для любого творческого вуза. С одной стороны, любая школа создает определенный канон, с другой — разумеется, интереснее всего наблюдать за теми, кто устанавливаемый канон преодолевает.

Фото: Никита Шохов, из серии «Scan». Предоставлено автором

Изначально обучение в Школе Родченко было посвящено преимущественно фотографии. Спустя десять лет акценты изменились: сейчас фотография воспринимается как неотъемлемая часть поля современного искусства. Это стало возможным отчасти и благодаря самим выпускникам, провоцировавшим дискуссии на тему границ медиума, а также столкновения этического и эстетического.

Одним из таких «провокаторов», окончивших школу имени Родченко, является Никита Шохов — выпускник мастерской Игоря Мухина. В связи с его дипломным проектом «Рублевка» возникло обсуждение: имеет ли право автор производить манипуляции со снимком, хотя в этом конкретном случае ретушь носила исключительно эстетически-косметический характер и никак не влияла на сюжет. В 2013-м году Игорь Мухин, будучи научным руководителем Никиты, поднял вопрос об использовании Фотошопа. Состоялся **круглый стол**, в ходе которого эксперты высказывались на тему фотографии как документа. Извечный спор о фотографической правде, впрочем, так и не был разрешён.

От едва заметного вмешательства в композицию кадра Никита почти сразу перешел к куда более радикальным формальным экспериментам. В том же 2013 он начал снимать серию «Scan». Последние снимки были сделаны летом 2016.

Фото: Никита Шохов, из серии «Scan». Предоставлено автором

Технический фокус заключается в следующем: камера (toyo 4x5) стоит на штативе, в кадре движется толпа; в фотоаппарат вставляется сканер "betterlight" вместо пленки. Принцип тот же, что и у обычного планшетного сканера. Вот только объект не статичный, за счет чего возникает специфический эффект пластической деформации. Датчик сканирует по пикселю в данной точке пространства в течении 40 секунд.

Эта серия возникла вслед за съемками в Утрише и ночных клубах столицы. "Утриш" — это постановочные кадры, интерпретация мифологических сюжетов о пространстве первозданной свободы, времени до появления капитализма и национальных государств. Серия "Moscow Nightlife" — про парадоксальную попытку обретения того же самого места и ощущения освобождения — вот только уже посредством погружения в самую сердцевину машины наслаждения и потребления. Никита рассказывает, что все три серии явились для него своего рода исследованием, поиском ответа на вопрос, что осталось от карнавала сегодня — в том понимании, которое было предложено философом Михаилом Бахтиным. В его теории за основу взято явление средневекового карнавала — действие, в ходе которого привычные социальные маски срываются, верх и низ меняются местами, а непристойное оказывается допустимым.

По мнению Никиты, сущность карнавала сохраняется разве что в закрытых сообществах: коммунах хиппи, на сходках нудистов. В сегодняшних же массовых событиях, напротив, не осталось места спонтанности; любое движение запланировано и срежиссировано, социальные роли не то что не прекращают действовать, но будто бы даже становятся ещё более концентрированными.

Фото: Никита Шохв, из серии «Scap». Предоставлено автором

Впрочем, тут возникает вопрос — насколько фотография в принципе способна передать это ощущение освобождения и ниспровержения существующего порядка? Ведь кадр — всегда компромисс между случайностью момента и соглашением между автором и моделью. А если говорить о жанре портрета, не содержится ли уже в самом факте позирования на камеру элемент карнавного — обнаружение в себе иного, разыгрывание некой роли?

В серии “Scan” привлекает то, что фотография оказывается как документацией, прямым способом регистрации движения толпы, так и ёмкой визуальной метафорой феномена массового собрания. Демонстрируется смещение взгляда: ты неотделим от массы, индивидуальное оказывается смазано и искажено. Чувство времени и пространства также подвергается трансформации. Совместность превращается в неразличимость. Техническая мощь — машины, танки — кажется картонной декорацией. Простые аналогии, возникающие при первом взгляде на снимки из серии Scan — кривое зеркало, игрушечность — точно совпадают с присущим массовым мероприятиям плакатному языку и ярмарочным образам. Фотография приобретает оттенок карикатуры.

Репортажная съемка сочетается с использованием технического приема, который делает более очевидной, «выпуклой» авторскую субъективность. Работа на стыке жанров и демонстративная субъективность взгляда в противовес традиционному противопоставлению документального и постановочного соответствует духу современной фотографии — фотографии в эпоху “постправды”, когда “объективные факты менее важны для формирования общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям”.

Фото: Никита Шохов, из серии «Scan». Предоставлено автором

CE QUE FERAIENT LES ENFANTS SANS PARENTS, "KIDS" DE NIKITA SHOKHOV

18 JUILLET 2016

INSPIRATION 0

Nikita Shokhov est un photographe russe renommé dans le milieu de la photographie pour ses différentes séries sur la société russe. Il a notamment reçu le 3ème prix de la World Press Photo en 2014 pour son travail [« Utrish-Crimea »](#) dans la catégorie « Staged Portraits ».

La série « Kids » présente des photographies dont les protagonistes, des enfants et adolescents, sont mis en scène. Ce travail a été commandé au photographe par la galeriste Larissa Grinberg, cofondatrice de la Grinberg Gallery à Moscou. Le projet était de décentraliser la culture dans différents quartiers de la capitale russe, en créant des espaces partenaires de la galerie, et que chaque antenne propose des expositions réalisées en collaboration avec les habitants.

© Nikita Shokhov, Zeferine and Azarelle

Nikita Shokhov a travaillé avec les enfants du quartier résidentiel de la galerie Peresvetov Pereulok. Les photographies ont été élaborées à partir du concept d'un monde sans parents. Une cinquantaine d'enfants et adolescents ont pris part au projet et Nikita Shokhov est allé les photographier dans leurs appartements. Il les a mis en scène à chaque fois dans quatre lieux différents, la salle à manger, la salle de bain, la chambre et la cuisine. Ils réfléchissaient ensemble à des scènes qui correspondent à ce que les enfants feraient s'ils se retrouvaient seuls chez eux sans aucune autorité parentale. Pour mettre les enfants en situation et qu'ils jouent leurs rôles le plus fidèlement possible, le photographe mettait de la musique et parfois choisissait des costumes pour qu'ils se mettent à jouer en faisant abstraction de l'appareil. Le résultat offre des photos colorées, décalées et empreintes de complicité entre les fratries.

© Nikita Shokhov, Danila, Klim, Saveliy and Elisey

Cette première commande du photographe a été récompensée par le Silver Camera Award en 2015, ce qui lui a permis d'être contacté par la suite pour réaliser les portraits d'enfants de grandes personnalités moscovites. Il se concentre à présent sur un nouveau projet cinématographique à New-York, proposant à la fois fiction et théâtre, toujours avec cette idée de mise en scène.

© Nikita Shokhov, Anastasia

dekoder

JUNI: GROOVEN AUF DEN LEEREN HÜGELN

TEIL DES DOSSIERS [Russian Shots – Fotografie aus Russland](#) [ALLE DOSSIERS](#)

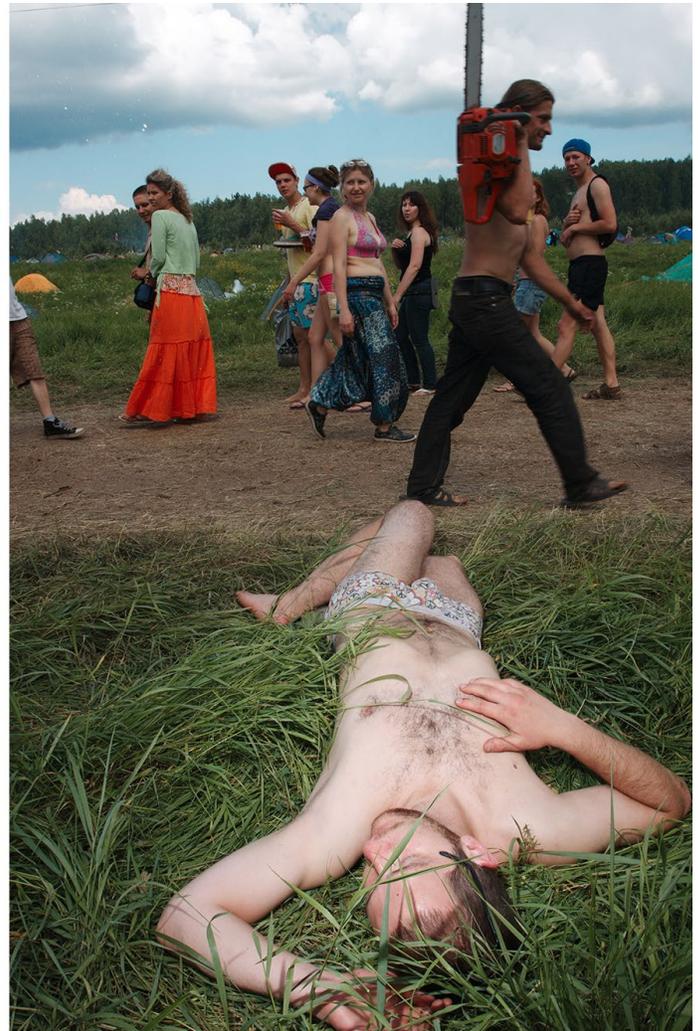
60.000 Besucher, Musik von Blues über Reggae bis zur Elektronik, freier Eintritt, viel Natur und eine gewaltige Portion Idealismus: Beim Festival *Pustye Kholmy*, die „Leeren Hügel“, kommt einem unweigerlich Woodstock in den Sinn oder der *Burning Man* in Nevada.

Fast zehn Jahre lang trafen sich jedes Jahr im Juni musik- und sonnenhungrige Städter zum gemeinsamen Feiern und Chillen – immer in der Provinz, nicht zu weit von Moskau, in der Oblast Kaluga oder Smolensk, und immer an den Ufern von Flüssen oder Seen.

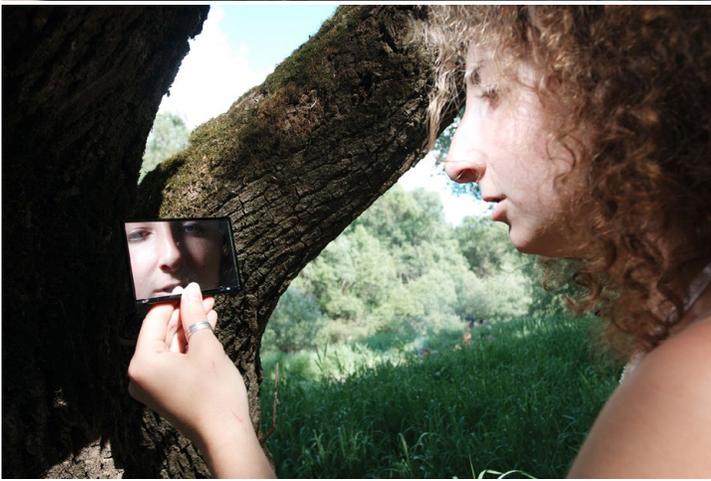

Im Jahr 2011, bei einem der letzten grossen *Leeren Hügel* (die während des Festivals alles andere als leer sind), war der Fotograf Nikita Shokhov mit dabei. Shokhov, Jahrgang 1988, geboren in Ekaterinburg und zur Zeit dieser Aufnahmen noch Student an der *Rodchenko School of Multimedia* in Moskau, hatte sich zuvor schon als Fotograf des Moskauer Nachtlebens einen Namen gemacht. Auf dem Festival wechselte er nun vom Schummerlicht der Klubs in die pralle Sonne – ließ den Blitz aber auf dem Fotoapparat. „Der Blitz“, sagt Shokhov „bringt eine Übertreibung in die Körperoberflächen“ – und lässt sie mal besonders natürlich, mal fast künstlich-plastisch erscheinen. **Nikita Shokhov** hat 2014 einen dritten Platz im *World Press Photo Award* errungen und hat sich seit Neuestem einer sehr technischen Fotografie zugewandt: Er fängt das Fließen der Zeit in Aufnahmen mit einer Scanner-Kamera ein.

Auch das „Festival der freien Schöpfungen“, wie sich die *Leeren Hügel* selber nannten, gibt es in dieser Form nicht mehr – Einzelprojekte aus dem Programm werden nun gesondert an anderen Orten fortgeführt. Es bleiben legendäre Erinnerungen und die nie versiegende Sehnsucht nach Ursprünglichkeit, Sommer, Freiheit und Musik.

В этом году COLTA.RU решила пойти на эксперимент и пригласила к временному кураторству над разделом «Фотопроекты» молодых и талантливых представителей ведущих российских фотоинституций. Мы разделили календарный год между шестью кураторами и попросили их отобрать для публикации наиболее интересные образцы современной российской фотографии. Таким образом мы надеемся расширить обозреваемое поле фотографических проектов и познакомить читателя с авторами, ранее не представленными на нашем сайте.

Приглашенные кураторы

- Катерина Зуева, Центр фотографии им. братьев Люмьер
- Надежда Шереметова, «ФотоДепартамент»
- Сергей Потеряев, «Дом Метенкова»
- Дарья Туминас, фриланс-куратор, Амстердам
- Анастасия Богомолова, блог *This is a photobook*
- Светлана Тэйлор, Британская высшая школа дизайна

Первый резидент: Катерина Зуева, куратор выставочных проектов Центра фотографии имени братьев Люмьер с 2010 года. Сфера исследовательских интересов — независимая фотография в СССР в 1970—1990-е годы, а также молодая российская фотография, авторские фотокниги.

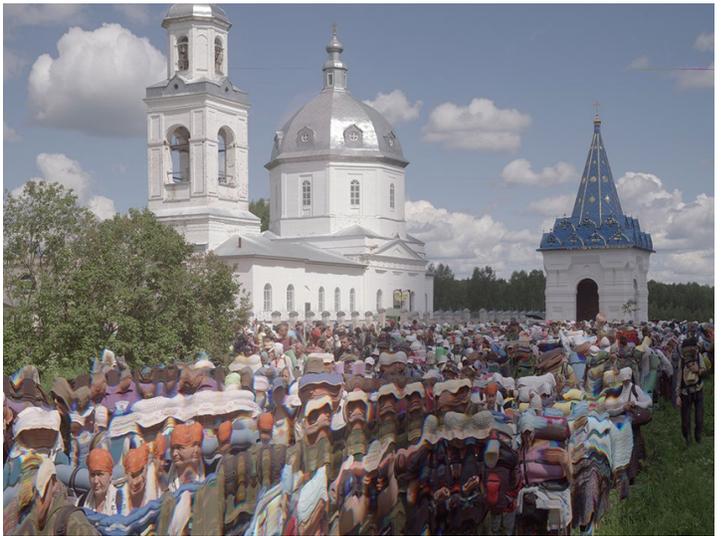
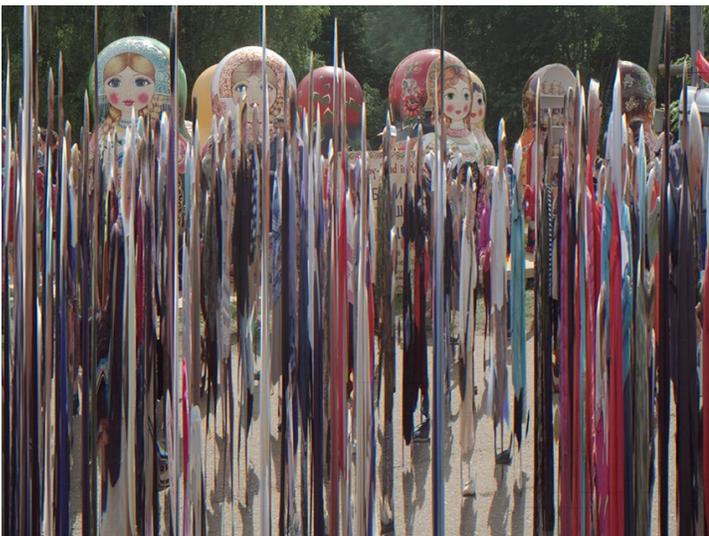
Катерина Зуева о проекте **недавнего лауреата World Press Photo** Никиты Шохова

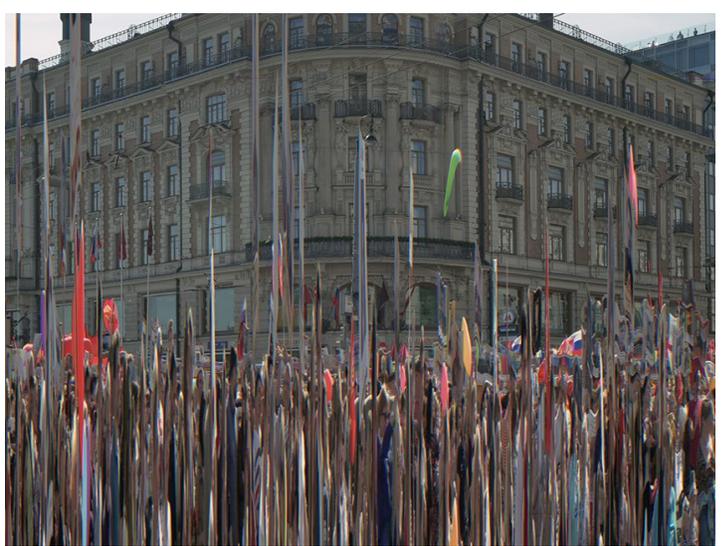
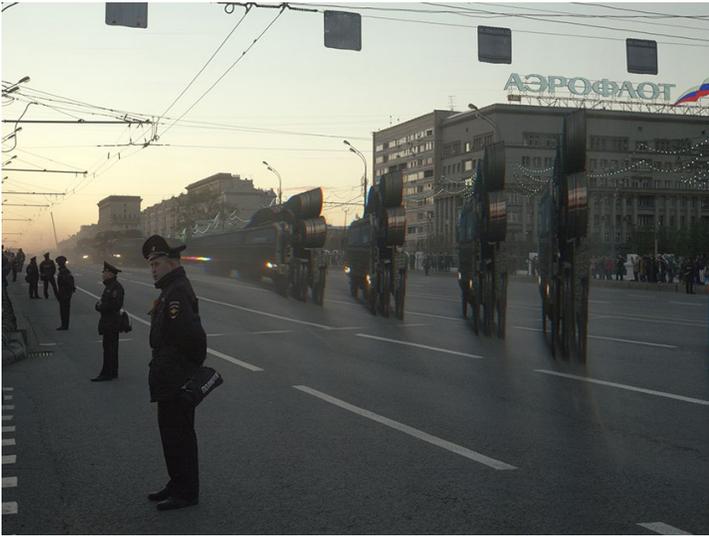
Никита Шохов — выпускник Московской школы фотографии и мультимедиа им. А. Родченко, ученик Игоря Мухина, работает в поле документальной фотографии, при этом из серии в серию нарушая все законы этого жанра. Как будто привычный взгляд на окружающую действительность не дает возможности рассмотреть, исследовать ее как следует. Автору тесно в рамках чистой, прямой фотографии. Отсюда и эксперименты Шохова с монтажом, и использование сложного освещения и светофильтров во время съемки репортажа.

В одном из текущих проектов, *Scan*, начатом в 2013 году, Никита использует особую технику съемки, задействующую сканер. В поле зрения фотографа, как и всегда, — толпа, процессия, человеческая масса. Первомайская демонстрация коммунистов, митинги оппозиции, крестный ход, парад в честь Дня Победы. Новая техника дает возможность уплотнить время внутри, захватить сложные, меняющиеся состояния объекта в рамку кадра. Насыщая снимок временем, Шохов, с другой стороны, стирает все личные черты, все признаки независимого, резкого суждения. Время как будто смазывает детали жизни, оставляя только эту энергию движения масс.

Оглядываясь вокруг, Шохов использует «кривое зеркало» своей новой оптики, возможно, в надежде, что с его помощью можно выпрямить обратно реальность, с которой, кажется, что-то не так. Но в итоге этот «минус на минус» дает лишь только еще больший отрицательный знак.

Photographs by
Nikita Shokhov, Irina Yulieva

Text by
Nadya Sherebetova, Daria Tuminas

Editorial
11.03.2016

Focus on Russia: Irina Yulieva, Nikita Shokhov

Irina Yulieva was born in Leningrad, Russia, 1978. Studied photography at the "VA Dapkin" in Saint-Petersburg, 2008 - 2010. Since 2009 has participated in group exhibitions and has got awards such as "Gold man" for best student work of Faculty of Journalism in 2008-2009. Has been invited as a teacher of young photographers contest (Shota Directory Photography Competition 2011, England, as well as nominated in Festival competition Circle of My Lithuania, Vilnius, in 2010).

Nikita Shokhov works in professional photography for more than 10 years, collaborating internationally with magazines and galleries (USA, UK, Russia, France, Netherlands, Argentina), as well as with leading media, such as "Horror" (Russia), "Art", "Sputnik", "Eurasia", "E.L.C.", "Vestnik", "Time Out", "Alpha", "Lenta.ru". His personal projects were published in "The Guardian", "La Biennale", "L'Espresso", "Photo", "Contest Europe". Was awarded by World Press Photo for staged portraits in 2014.

A road to life

Life as a constant pilgrimage - to yourself or after yourself, or to an invisible other who saves you. Maturity and pilgrimage are the two directions of motion, two evolving actions, two expectations. Both spaces are unstable and contradictory, somatic and ecstatic. They are determined by faith in a better tomorrow, looking like a ritual of despair, though. In this publication for YET we combined two projects by the photographers Irina Yulieva "Grazed Knees" and Nikita Shokhov "Sacred Procession", making for each other in order to define the base of Being.

Irina Yulieva. Performance of maturing

"What happens when you pay close attention to anything, especially routine behaviour, is that it changes."
The Meaning of Life, in *Blurring of Art and Life*, Allan Kaprow, 1993.

Grazed Knees by Irina Yulieva documents the performance of maturing. The characters' movements are spontaneous, wild, and seemingly not connected to each other. Nevertheless, seen together in a sequence of images, they form one dance: a teenage girl shaking her hair loose; a shirtless youngster tramples something invisible on the floor of a rural club; a girl closes her eyes tightly while pointing a toy gun at her temple; a man in a winter cap clumsily hangs over a branch of a tree; and a boy, wearing an unbuttoned existentially checkered shirt, smokes while pedalling on a home trainer... A viewer sees in the photographs the broken (or is it cracking?) body language of kids, teenagers, middle-aged and elderly people. Maturing turns out to be a transitional state that may never end.

One can compare Yulieva's project with a performance not only because photographs focus on the body and the gestures of impetuosity and protest. The photographer's children, her father, a second cousin, an aunt, daughter's friends and other residents of the Bolshoy Sabak village, where Irina spent her childhood and later brought her children for the summer holidays, - all of them are taking part in a show that can be called, following the terminology of Richard Schechner, a 'performance of everyday life'. A renowned researcher of performance studies suggested to consider any action we make a performance. An artist and an art theorist Allan Kaprow took this idea even further - by discussing the performance of breathing. The most natural and the simplest act can become a performance in case a person pays all his attention to the act and withdraw it from the field of the unconscious and the mechanical. Reflecting upon banal activities, an artist realises soon that these activities are in fact very odd. Then he arrives, according to Kaprow, at a 'territory of the familiar unfamiliar'.

The author of *Grazed Knees* got exactly to this territory. Irina Yulieva looked closely into the well-known process of maturing and... fired at it with a slingshot. As the result of this peering the feeling of the artist's eternal carelessness, that she shared with the characters of the project, transformed into a new state which now demands to close a particular life and photographic chapter: "During the shooting period, in 2009-2011, I still felt myself like a teenager. Now everything has changed, and I even photograph differently. The book *Grazed Knees* puts an end to the whole epoch".

Nikita Shokhov. Sacred Procession

Skepticism towards the church is no surprise in Russia today. Many true believers abandoned churches because of its dependence from the government. But around 30000 pilgrims from all over the country participate in the Vellikoretsky Procession of the Cross, held annually in the Kirov Oblast, Russia. I joined procession three times because I was interested to understand how modern life correlates with 600 years old Orthodox tradition.

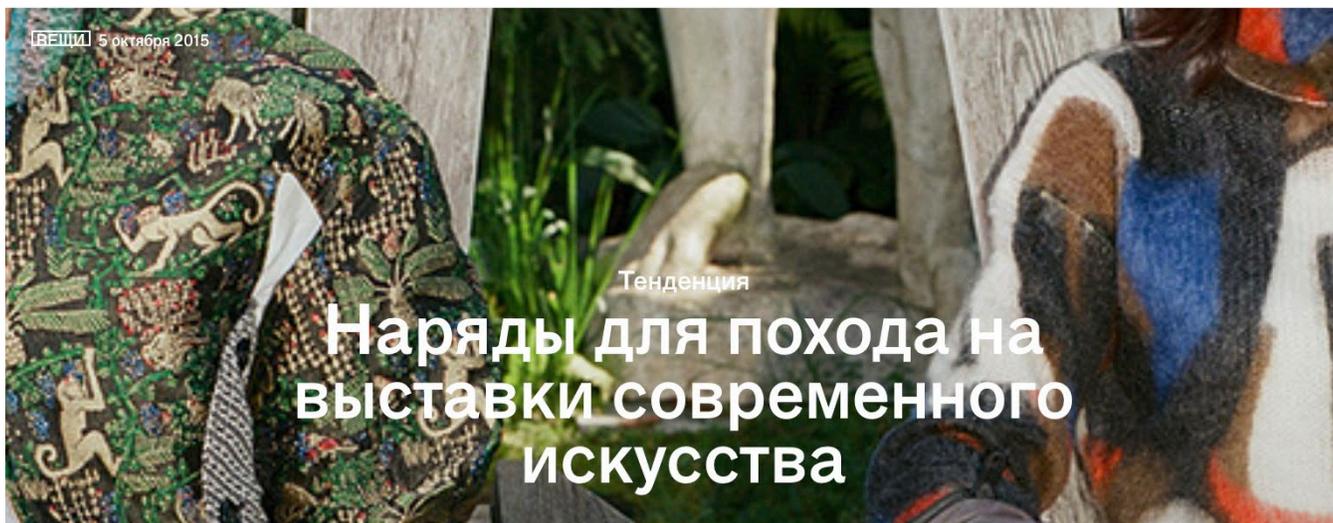
Websites

Irina Yulieva
Nikita Shokhov

ВЕЩИ 5 октября 2015

Тенденция

Наряды для похода на выставки современного искусства

f 241

0

7

Этой осенью в Москве открылись десятки мощных выставочных проектов: от Луизы Буржуа в «Гараже» и Аниша Капура в Еврейском музее до Московской биеннале на ВДНХ и Андрея Бартенева в ММОМА. Каждые выходные можно ходить на выставки всей семьей. «Афиша» показывает, как при этом нужно выглядеть.

Эти фотографии впервые были опубликованы в сентябрьском номере журнала «Афиша». Редакция благодарит арт-центр [Gridchinhall](#) за предоставленное для съемки пространство и произведения искусства.

Костюм Hugo Boss, футболка Trasher, ботинки Christian Dior, пиджак Uniforms for the Dedicated, рубашка №21, очки Ray-Ban, свитер Gucci, платье Kenzo; искусство: Владимир Григ «Ю.А.Гагарин» из серии «Космонавтика и К», Аня Желудь «Гумбы»
Фотография: Никита Шохов

Слева: жилет, рубашка и брюки Christian Dior, тапочки Zara Home; искусство: Иван Плюц «500 евро» из серии «Liquid Money» (слева), Дмитрий Гутов «Шимпанзе на белом» (справа), этюд Николая Дубовского (чуть ниже); справа: кимоно (собственность стилиста), кеды Converse, платье Gucci, ботильоны H&M Studio, жилет Hugo Boss

Фотография: Никита Шохоев

Куртки и джинсы Levi's (модели Levi's 721, Levi's 501 CE, Levi's 501 CT), кеды Converse, футболка Levi's; искусство: Стас Шпанин «Гравитация резидента»

Фотография: Никита Шохоев

Слева: платье Christian Dior; справа: костюм H&M; искусство: Владимир Григ «Twiggi P.S.» (слева), Олег Хвостов «Тосканский бычок» (в центре), Борис Матросов «Тень» (справа)
Фотография: Никита Шохов

Бомбер Walter Van Beirendonck, очки Versace, футболка Blank Moscow, брюки Uniforms for the Dedicated, свитер и пояс Asos, юбка Rochas, перчатки H&M; искусство: скульптура Нины Жилинской
Фотография: Никита Шохов

APOLLO

THE INTERNATIONAL ART MAGAZINE

May 2, 2015

At the boundary of art and politics: 'Borderlands' at GRAD reviewed

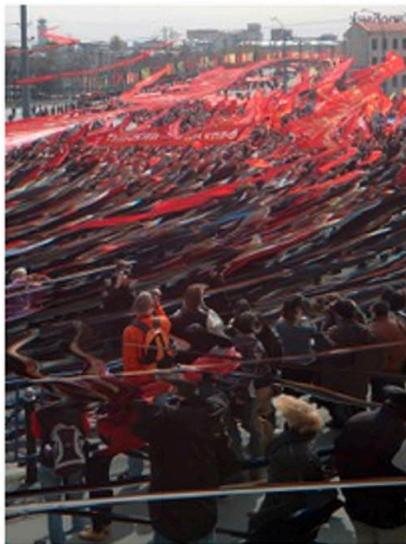
LIZA PREMIYAK

Just after the first of the Soviet monuments were toppled in Ukraine at the end of 2013, several art institutions began to organise their own responses to the conflict that continues in Donbass. The result has been twofold. The Garage Centre of Contemporary Art in Moscow (now the Garage Museum of Contemporary Art), for instance, hosted a major exhibition celebrating the ways art can overcome conflict, while another blockbuster exhibition – 'My History. The Ruriks' at the Manege Exhibition Centre in Moscow – has been criticised as blatant propaganda.

Brain-twister. *Elementary Workbook* (2015), ZIP art group

have presented a series of costumes inspired by the Constructivist designer Varvara Stepanova. ZIP are not the only collective to use clothing as a means of making political art in Russia. Costumes are also integral to the work of 'The Factory of Found Clothing', a collective from St Petersburg. ZIP's handmade T-shirts, in particular, carry a do-it-yourself political message.

Without Dictatorship of the Gaze (2013), Nikita Shokhov. Courtesy of GRAD

energy of the massed protesters, but the faces of individuals blur. This supports what a character in *Courbet's Funeral* suggests: in the age of mass media, it's impossible to be yourself.

Compared to the show at Garage, GRAD's 'Borderlands' exhibition in London intends to question whether art can be as political as it is aesthetic; this is the conceptual border to which the title refers. The ZIP group from Krasnodar are artists and activists. One of their past projects includes the **B.O.P.**, a one-man portable picketing booth which allows its user the space, anonymity and protection to express their opinion. For 'Borderlands', however, the group

Also interested in the border between art and reality is Evgeny Granilshchikov, whose film *Courbet's Funeral*, named after the French painter, is made up of real and staged everyday conversations. Both Granilshchikov and another artist, Nikita Shokhov, challenge the documentary format. For his photographic series *Without Dictatorship of the Gaze*, Shokhov used a slow shutter-speed, scanning a scene from different perspectives in one shot. He is able to capture the

Искусство по-русски

Фото Кружок

Эти молодые российские фотографы не гонятся за быстрым успехом: не просто ловят удачный кадр, а годами создают захватывающие истории, в которых повседневная жизнь предстает в новом ракурсе. Результат – престижные международные награды, публикации в известных изданиях и выставки в галереях по всему миру.

Текст: Сергей Гуськов

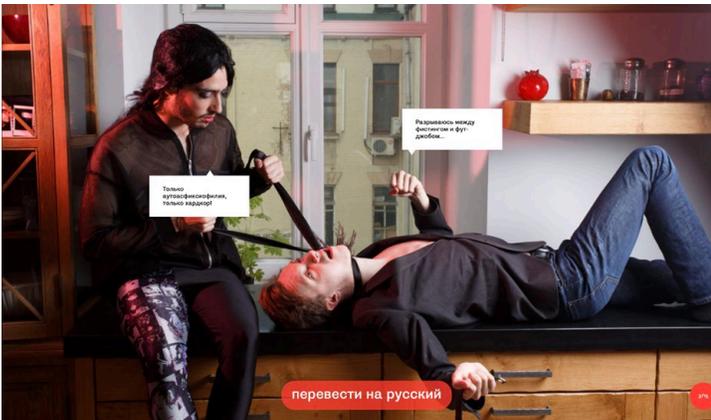
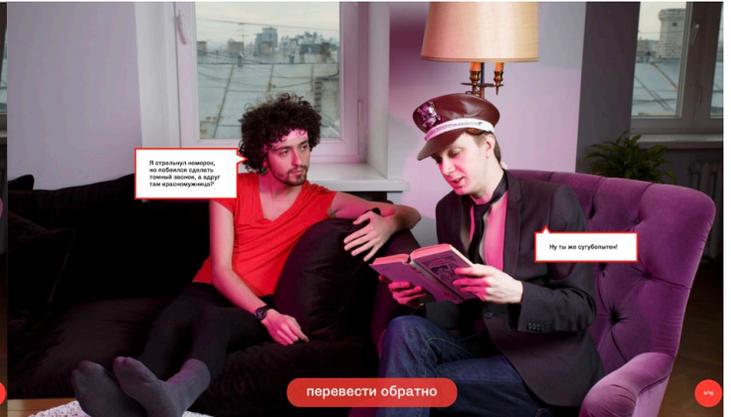
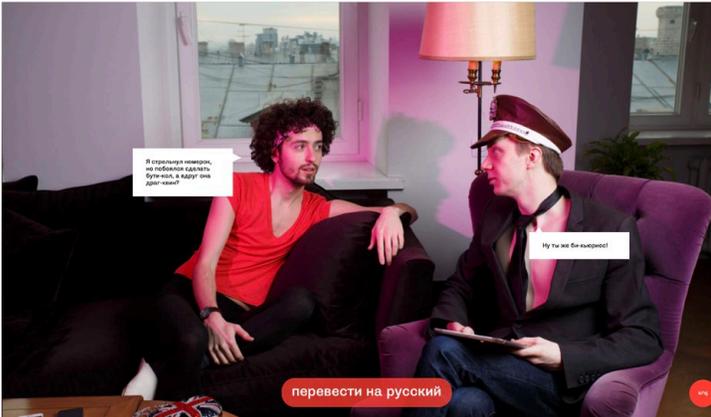
НИКИТА ШОХОВ

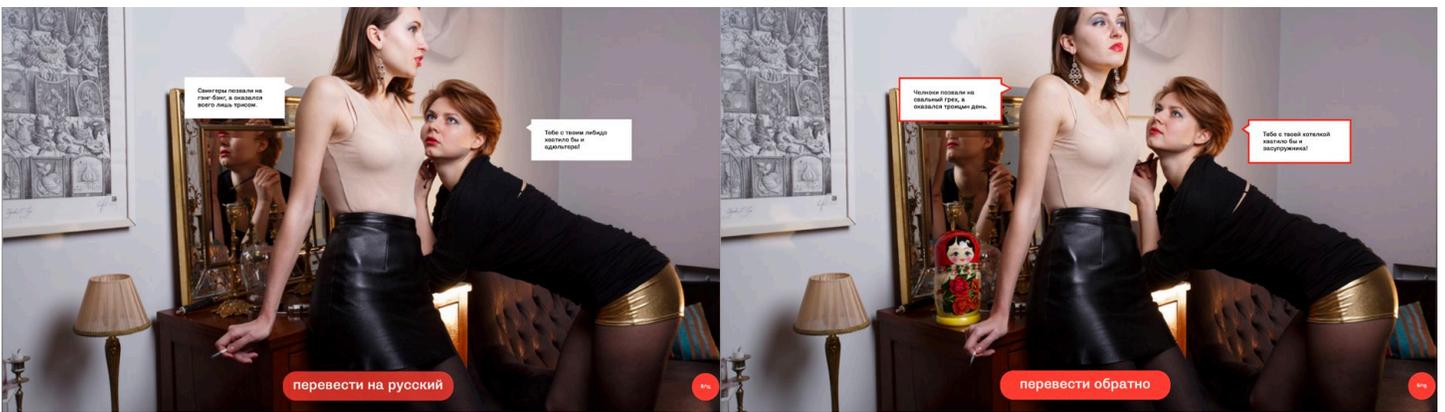
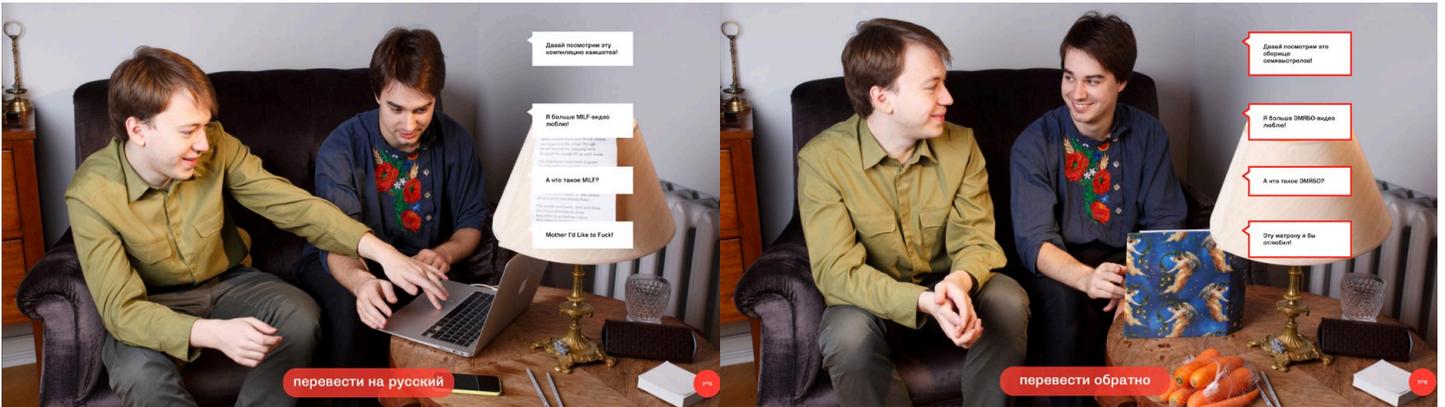
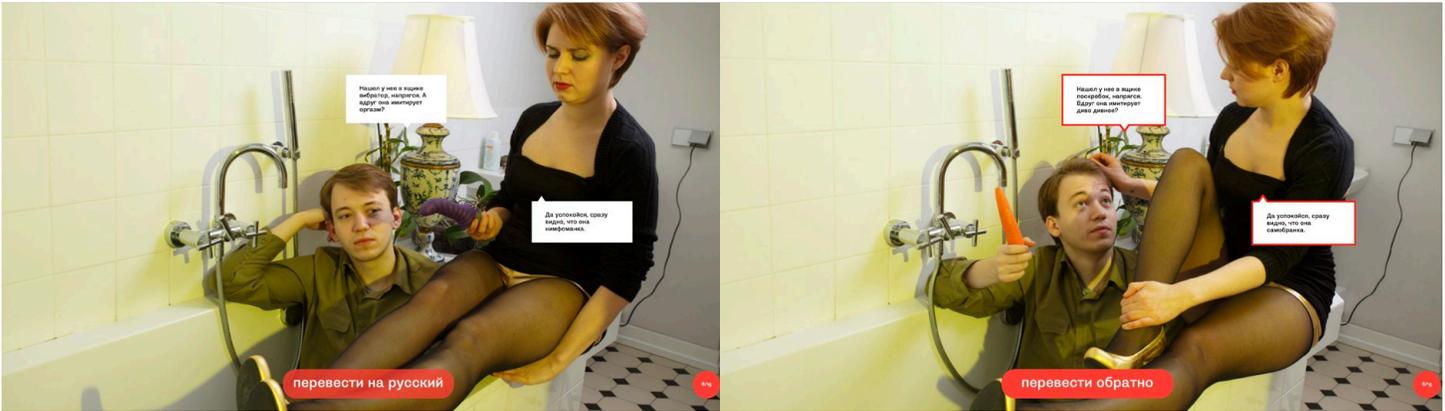
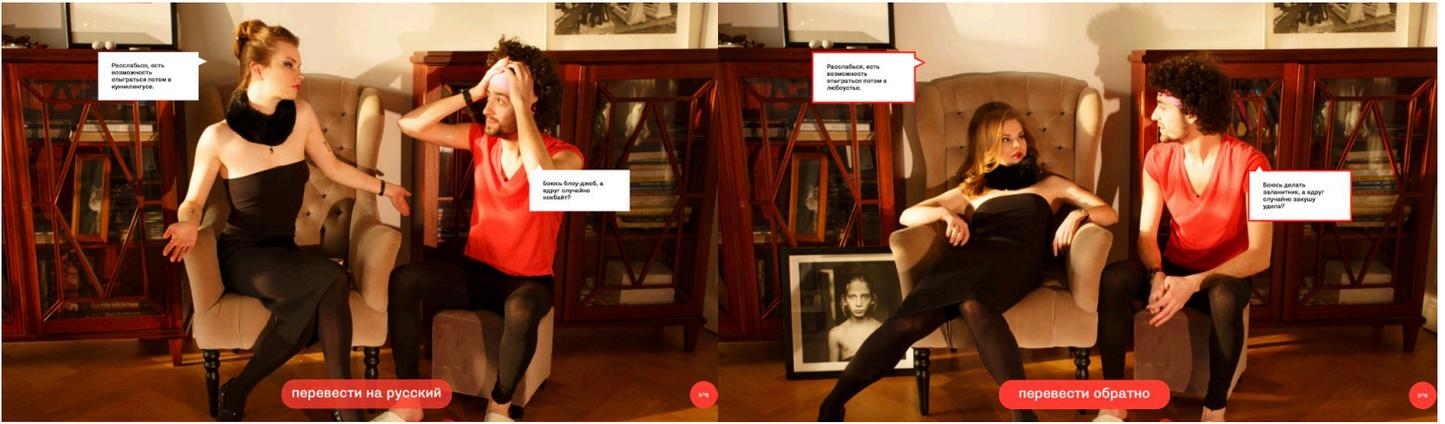
Его работы знакомы не только тем, кто следит за фотографией: серия «Черноморские каникулы» появилась в прошлом году на сайте британской The Guardian – ссылка на публикацию еще долго ходила по соцсетям, обрастая восторженными комментариями. Шохов снимал летнюю Рублевку, оживив пресыщенный вид, разгул столичных ночных клубов, а последний его проект посвящен домашнему быту московских подростков. В новом выпуске журнала при международном конкурсе World Press Photo за портреты обитателей западного черноморского Урвала – нудистов, выигравших по просьбе Шохова съемки из Библии. Впрочем, устремления Никиты связаны скорее с искусством, чем с репортажной съемкой. «Пытаюсь забыть все, что испытал», – говорит он о влиянии других фотографов. И добавляет: «Самое важное – то, что впереди».

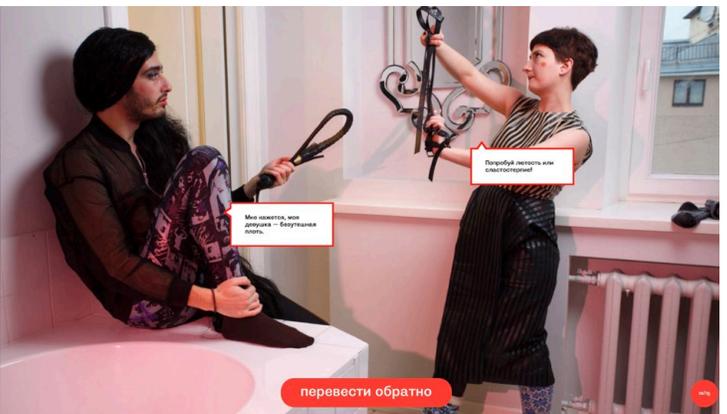
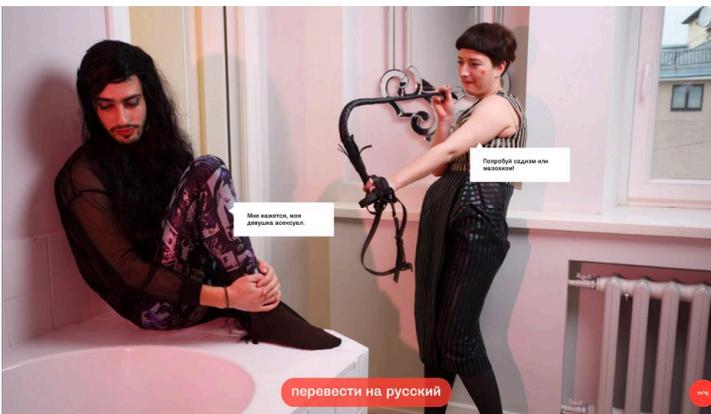
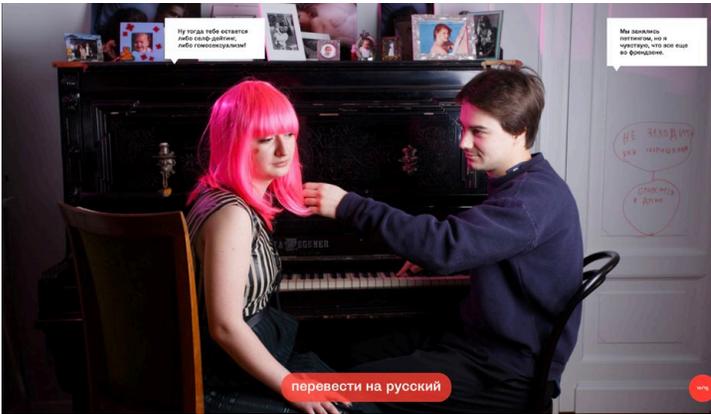

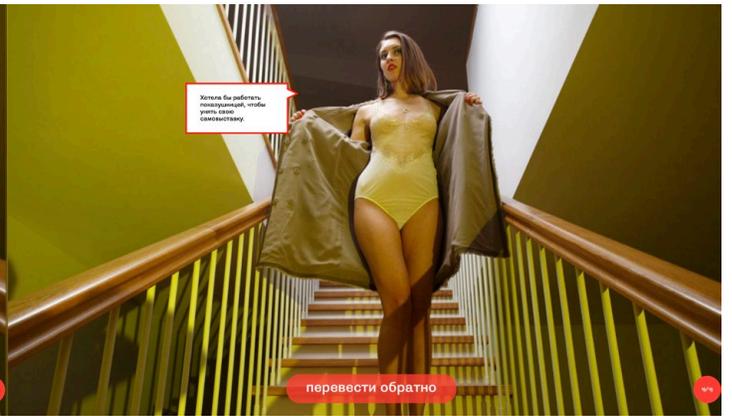
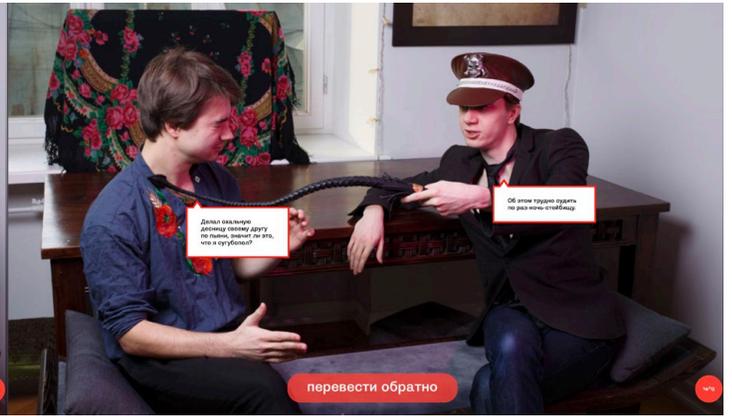
1, 3 Из серии «Дети».
2, 4 Из серии «Черноморские каникулы».
4 Из серии «Этрин».

Доложите постановку

Российские лауреаты World Press Photo 2014 о своих проектах

16.05.2014

В Москву приехала выставка World Press Photo 2014, самого популярного в мире конкурса фотожурналистики. Среди 53 победителей в 18 категориях трое фотографов из России — по сравнению с другими годами это щедрый урожай. В номинации «Повседневная жизнь» третьей премии за серию фотографий удостоена живущая во Франции москвичка Елена Чернышова: ее репортаж «Дни ночей — ночи дней» о Норильске, городе-катастрофе, экологической и социальной, был сделан для русского National Geographic. Два других российских призера отмечены за «Постановочные портреты»: первую премию за серию фотографий получил москвич Данила Ткаченко, третью — работающий в Москве екатеринбуржец Никита Шохов. Оба сняли эскапистские истории о людях, разными способами отказывающихся от цивилизации и стремящихся к первобытной свободе: Данила Ткаченко снимал поселившихся в лесной глуши России и Украины отшельников, Никита Шохов — колонию нудистов в Утрише. «Escape» Данилы Ткаченко и «Утриш» Никиты Шохова хорошо смотрятся на выставке World Press Photo, но эти фотографии неплохо смотрелись бы и на выставке постконцептуального искусства, где-нибудь рядом с работами Тарин Саймон. Оба лауреата очень молоды: Никите Шохову 26 лет, Даниле Ткаченко — 24. Оба связаны с Московской школой фотографии и мультимедиа имени Родченко: Никита Шохов учился у Игоря Мухина, Данила Ткаченко заканчивает курс Валерия Нистратова. Номинация, в которой победили оба «родченковца», появилась у World Press Photo лишь на прошлом конкурсе, когда категорию «Портреты» было решено разделить на постановочные (Staged Portraits) и наблюденные (Observed Portraits). **Анна Толстова** поговорила с обоими лауреатами о том, есть ли граница между искусством и репортажем, постановкой и документом, художественным вымыслом и правдой.

Никита Шохов: «Это проблема, что мы воспринимаем фотографию как истину»

World Press Photo — журналистский конкурс. Какое отношение к фотожурналистике имеет номинация «Постановочные портреты» вообще и ваша серия «Утриш» в частности? Ведь мы все еще живем в плену идей «документальной истины» и «решающего момента».

Да, это реальная проблема, что мы воспринимаем фотографию как истину. С одной стороны, это мешает творчеству. С другой стороны, а что еще является правдой в медиа? Видео? Инстаграм? Вся прелесть фотографии в этой шизофреничности. Что касается номинации «Постановочные портреты», то все-таки она имеет непосредственное отношение к журналистике. Есть социальная тема, которая исследуется. В данном случае — это Утриш и обитатели. Проблема здесь политическая: его пытались запретить для свободного отдыха. Режиссура в данном случае лишь помогает раскрыть проблему. Ну, вот представьте непостановочные журнальные фотографии из этого места? Это будет выглядеть так обыденно-мерзко, что мы получим обратный эффект: «Закрывать его!»

Как вы попали на Утриш и как возникла идея серии?

Я приехал туда годом ранее, чтобы снимать мои «Черноморские каникулы». Утриш был лишь частью поездки. А потом я специально приехал на Утриш, чтобы снимать не просто репортаж, но со сценарием.

Никита Шохов. Из проекта "Утриш"

Фото: Никита Шохов / "Salt Images"

В «Утрише» есть явные библейские подтексты, во многих снимках серии — аллюзии на ветхозаветные сюжеты старых мастеров, «Адам и Ева», Никита Шохов. Из проекта "Утриш" **рия про утраченный рай?**

Когда я первый раз был там, мне показалось, что это место условно похоже на рай. Там нет никакой цивилизации, никакого туризма. Уникальная природа. И люди там живут тем, что Бог пошлет, как будто в раю. Поэтому и возникла идея совместить текст Библии с этими людьми и этим местом.

Сколько понадобилось времени, чтобы войти с этими людьми в контакт и они согласились участвовать в ваших художественных играх?

По прошлой поездке я знал, как эти люди живут там, некоторых знал лично. Съемка длилась три недели, и с каждым нужно было провести несколько дней в общении, чтобы получить согласие сниматься. Сама съемка занимает ничтожно мало времени. Все усилия — это кастинг и контакт. Некоторых важных персонажей просто забирает наркополиция, и несколько дней усилий впустую — человек не успел сняться. Серьезная проблема — то, что все герои заняты в разных сценах. Эти сцены могут сниматься с промежутком в неделю. А у человека меняются планы, он вдруг уезжает домой — и это полный провал, цепочка сюжетов идет в корзину. Но это издержки производства — я не могу платить гонорары моделям. Пока не могу. Съемочный процесс довольно простой. Я объясняю смысл текста героям и позволяю импровизировать. Остается лишь «поймать решающий момент». Этот метод — абсолютная норма в американской fashion фотографии: Аведон, Лейбовиц, Лашапел, Макгинли.

Никита Шохов. Из проекта "Утриш"

Фото: Никита Шохов / "Salt Images"

Судя по некоторым вашим сериям, снятым на Рублевке или в московских клубах, у вас тонкий социологический глаз. Мы привыкли думать штампами: Рублевка — это «новая русская элита», приближенная к Кремлю, клубы — это золотая молодежь, хипстеры. У вас же и Рублевка, и клубы — гораздо более сложные явления, где мы чувствуем весь социальный спектр общества, богатство и бедность, благополучие и неустроенность, покой и несчастье. Когда люди оказываются в раю, без одежды и прочих элементов, которые маркируют их социальную принадлежность, они из социального мира как бы выпадают. Вам было интересно выпадение из социальных иерархий?

Да, ради этого я и выбрал Утриш, а не Москву, например. Мне нужна была универсальность: это не Россия, а любое место; это не русский, а человек любой национальности; это не сегодня, а когда угодно.

То есть вы, как Гоген, нашли свой Таити?

Это слишком лестное сравнение. Возможно, нашел, посмотрим, пока рано говорить.

На фоне других победителей World Press Photo с их остросоциальными работами две русские серии очень выделяются. Цикл Данилы Ткаченко ведь тоже про радикальный отказ от социума. Не кажется ли вам странным, что русские победили именно с такими проектами?

А вы думаете, эти работы про одно и то же?

Никита Шохов. Из проекта "Утриш"
Фото: Никита Шохов / "Salt Images"

Нет, конечно. Ваша работа — скорее о побеге к счастью в рай до грехопадения, работа Данилы Ткаченко — о побеге к одиночеству, к самому себе. Но эскапизм, безусловно, общая для вас обоих тема. Связано ли это с политикой, с вашими ощущениями от московской действительности?

Не согласен: герои Данилы также ищут счастье, для них это — одиночество. Но гигантский мегаполис и бесконечный поток негатива в СМИ способствуют тому, чтобы сделать что-то иное, противоположное. Допустим, там война, а хочется изобразить мир. Там глупая погоня за сегодняшним днем, а хочется изобразить вечное.

Желание вполне понятное...

Да нет, не вполне. Многие плывут на волне и добавляют актуальное, модное, негативное.

Никита Шохов. Из проекта "Утриш"
Фото: Никита Шохов / "Salt Images"

Снимки из вашей серии легко представить себе и на страницах какого-нибудь еженедельника, и на художественной выставке. Означает ли это, что противопоставление фотографов-документалистов и фотографов-художников уже не имеет смысла?

Сейчас мне кажется, вопрос стоит вообще по-другому: статика или движение, фотография или видео? Также мне интересны категории: чистая фотография или измененная в компьютере; прямая фотография или концептуальная, на стыке с дизайном, наукой, литературой, театром, хореографией, кино и живописью?

ArtPlay, с 15 мая по 12 июня

Интервью: Анна Толстова

Новости от Weekend можно получать каждый день в [Twitter](#)

Журнал "Коммерсантъ Weekend" №18 от 16.05.2014, стр. 105

КАТЕГОРИИ:

подписка

Авторы: Анна Толстова

New East network

'Sun and mayhem' – Russia hits the beach

Photographer Nikita Shokhov spent two years taking pictures of Russian holidaymakers at the seaside in Sochi, Anapa and resorts in between. From sun-worshippers to night-time revellers, his Black Sea Vacations series is a compelling insight into beach culture, says [The Calvert Journal](#)

Giulia Mangione for the Calvert Journal, part of the New East network
Thu 14 Aug 2014 00.00 EDT

2,999 50

Nikita Shokhov's shots echo Martin Parr's classic photographic series *The Last Resort*, captured at British seaside destinations in 1986. Photograph: Nikita Shokhov

Like Parr, Shokhov takes a voyeuristic look at people from the working classes on holiday, often shooting his subjects from behind. Photograph: Nikita Shokhov

It is August. The Moscow-Anapa economy class sleeping car is hot. Mums with children, and pot-bellied men are everywhere. Says Shokhov, fresh off the train at the start of the holiday season. Photograph: Nikita Shokhov

The same bodies lying in the same attitudes... warm their tender skin in the sun, he says of his subjects. Photograph: Nikita Shokhov

Shokhov's shots capture everything from those daytime downtime moments. Photograph: Nikita Shokhov

To sun-down drinks... Photograph: Nikita Shokhov

To night time revellers in full party mode... Photograph: Nikita Shokhov

Kubana sells itself as a music mecca on the Black Sea, specialising in rock and heavy metal. Photograph: Nikita Shokhov

Shokhov also stopped off at the Kubana Festival for the artists, where all the masses lie in the scorching sun for the whole day. The playhem lasts from dusk till the morning. Photograph: Nikita Shokhov

Russia is experiencing a summer of extreme temperatures, leading to some unusual behaviour from animals. Amid the heat, one Siberian town experienced a fresh hailstorm last month. Photograph: Nikita Shokhov

Sochi was the host of the 2014 winter Olympics, but the town and the surrounding resorts are best known for palm trees and warmer temperatures. Photograph: Nikita Shokhov

Shokhov's photos are saturated in colour, focused on detail and individuality. Photograph: Nikita Shokhov

'Three weeks later, they'll go back to central Russia, the Urals, or Siberia in the same sleeping car' until the same time next year, says Shokhov. Photograph: Nikita Shokhov

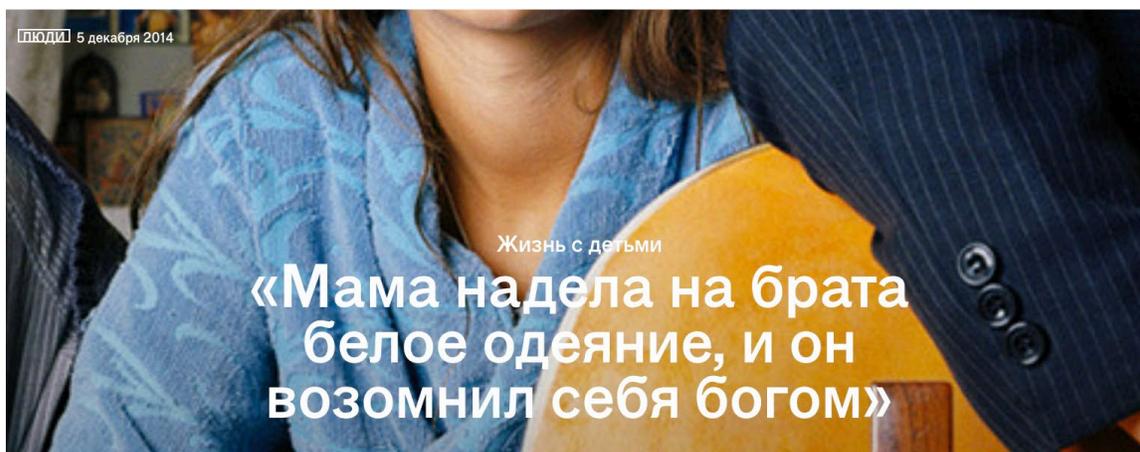

Topics

Russia / New East network

Summer holidays / Beach holidays / Photography / Russia holidays / Europe

ПЯТИ 5 декабря 2014

Жизнь с детьми

«Мама надела на брата белое одеяние, и он возомнил себя богом»

f 200

♥ 0

В 47

Фотограф Никита Шохов сделал выставку про детей и юношество — и подсветил в них как самые лучшие, так и смешные черты. Мы поговорили с детьми о том, чего они натерпелись на съемке — и чем вообще увлекаются.

Глеб и Вера Аршановы

Фотография: Никита Шохов

Вера, 9 лет: «Это со мной первый раз: пришел фотограф и придумал такие разные сценки: говорил, как нам с братом вставать, одежду выбирал. Мне очень-очень понравилось, было весело. Самое смешное: я в ванной крашусь, мой брат чистит зубы, и ему на ноги льется душ.

Вообще, я учусь в школе и хожу на танцы в ДК ЗИЛ и на гимнастику в «Олимпийский». Люблю с папой порисовать, повырезать, полепить. Я бы хотела стать дизайнером, планировать квартиры. Гулять люблю на ЗИЛе и по Красной площади. Когда приходит брат (ему 16), мы обычно говорим, играем — и он уходит».

Егор и Надя Грязновы, Аня Харитоновна

Фотография: Никита Шлохов

Надя, 9 лет: «Я люблю книжки, сейчас читаю про Гарри Поттера. Занимаюсь верховой ездой, мне очень нравятся лошади, а также собаки, кошки там всякие. Когда я была помладше, хотела стать учителем, но сейчас уже не уверена».

Егор, 11 лет: «Мы с Надей любим в шашки играть, обычно я побеждаю. Иногда всей семьей играем в «Монополию», там чаще всего папа выигрывает. Я занимаюсь борьбой на стадионе «Торпедо». Кем я хочу стать? Как папа, в президентском полку водителем работать».

Катя и Миша Сапрыкины

Фотография: Никита Шлохов

Миша, 18 лет: «Я нынче учусь в Высшей школе экономики. Свободного времени у меня немного, но в принципе я люблю играть в футбол и ходить на концерты. Бывают в Москве вечеринки, когда акцент делается не на музыку, а на пафос, на уровень посетителей, — на такие я не хожу. В последний раз был на концерте Кати Шилоносовой на «Стрелке».

Съемка прошла классно, потому что мы с фотографом Никитой более-менее знакомы — он снимал нас в лагере «Камчатка». Еще меня как-то фотографировали для одного журнала, но он закрылся. Так что для меня это не первый опыт. А вот сестре было тяжелее, конечно, она не привыкла позировать. К сожалению, не было дома нашего младшего брата Феди (ему 4 года), думаю, вот он бы с удовольствием перед камерой отплевывал. Нам с Катей нужно было изобразить такой сюжет, что типа я ее наставник и помогаю ей во всем (на самом деле, конечно, не так, но мы сумели это сыграть). Самая моя любимая фотография в этой серии — где мы с Катей стоим в комнате с велосипедом. Потому что велосипед — моя радость, и сестра — моя радость. А еще дело в том, что мой велосипед по правилам родителей все время стоит в подъезде снаружи, а тут появилась возможность безнаказанно затащить его домой».

Данила Пермин, Клим Калашников, Елисей и Савелий Романенко

Фотография: Никита Шлохов

Клим, 12 лет: «Я в 6-м классе. Мне очень нравятся наши учителя, хорошо преподают. Люблю математику, обществознание и русский. У меня немного свободного время, английским и французским занимаюсь и еще в видеоигры играю. Любимые — всякие бродилки, квесты, шутеры, Call of Duty. А любимая книжка — «Двадцать тысяч лье под водой».

Меня не особо волнует, кем я буду, главное, чтобы много получал. Ну я и думаю бизнесом каким-то заняться. У меня папа тоже этим занимается, не прямо сам, но он там значительное лицо. Он меня брал несколько раз на работу, объяснил. Я заинтересовался и даже работал. Все понравилось. С какой-то стороны, хотелось бы пойти уже сейчас работать, но с другой — в школе весело и интересно, каждый раз новое что-то изучаешь, а на работе приходится делать одно и то же постоянно.

В фотосессии я участвовал вместе со своими друзьями, нас просили показать, как мы обычно проводим досуг. Вот мы и присели поиграть в приставку, погуляли. Шашлыки еще жарили: мы это и правда делаем, нас папа научил. После съемок мяса поели, вкусно было».

Настя Тихонова

Фотография: Никита Шлохов

«Мне 15 лет, я учусь в Пушкинском лицее и уже 7 лет рисую. Мой папа художник и дизайнер, а мама — учительница мировой художественной культуры и литературы. По воскресеньям родители ведут занятия в Музее Москвы, а я им помогаю вести детские мастер-классы. Я хочу быть реставратором, нам в Пушкинском музее показывали, как это делается. А еще с детства люблю Хеллоу Китти, у меня все тетрадки с ней.

На этой фотографии я не сплю наяву, а танцую перед зеркалом. Фотограф Никита меня спросил, что я обычно делаю, когда никого нет дома, я и рассказала. А еще часто, когда я не занимаюсь дома уроками, хотя должна, то делаю коллажи. Просто у меня какой-то образ перед глазами встает, я вырезаю разные изображения и складываю в новую картинку».

Нина Гридчина и Маруся Аджави

Фотография: Никита Шолов

Нина, 18 лет: «Я изучаю менеджмент в РАНХиГС при президенте РФ, хотя это не совсем то, чем я планирую заниматься. На самом деле я мечтаю открыть рестораны и помимо учебы хожу на курсы кондитерского мастерства. Как-то так случается, что в Москве все места, которые мы с друзьями любим, постоянно закрываются, и мы от этого страшно страдаем. И хотелось бы создать место, рассчитанное на то, что там будут собираться ребята примерно моего возраста: 16–20 лет. Там они смогут чувствовать себя комфортно, и к тому же там будет вкусная еда. Во-первых, мое любимое место из тех, что существуют сегодня, это Pie Point, еще я очень любила U-Shake на Тверской-Ямской. В свободное время готовлю торты на заказ, печеная, постоянно думаю над новыми рецептами, учусь фотографировать еду. Пока только на пленку».

На съемке Нината просил меня сделать вид, как будто меня дети ужасно раздражают, но на самом деле я люблю своих младших братья и сестру. И они меня очень любят, что мне безумно льстит. Я чирлидингом, помимо всего, занимаюсь и очень редко бываю дома, но когда мы вместе, я, например, привношу детям любовь к науке. Мы вместе смотрим документальную кино, и хотя моему брату Артему только четыре, он может от начала и до конца высидеть документальный фильм про горы. Ну а Маруся еще маленькая, ей всего два».

Федор и Маргарита Дорощевы

Фотография: Никита Шолов

Маргарита, 7 лет: «Когда мы фотографировались в Федниной комнате, я играла на игрушечном пианино, а Федя решал задачки. Мне это очень понравилось. Мы с Фейей вообще редко вместе что-то делаем, обычно играем сами с собой или учим уроки, а после того сразу садимся ужинать. Во что я играю? Ну читаю, мне нравится «Королевство кривых зеркал». Там девочка Оля попала в зазеркалье, и там все слова были наоборот, а плохие люди мальчишка Гурда (то как «дурга») заковали в наручники. Моя самая любимая игрушка My Little Pony. У меня есть несколько пони: Исчезок, Силвестин, Эпиплажек и Радуга. И несколько хобби: я занимаюсь хором и танцами эппл-хоп в ДК ЗИЛ».

Федор, 9 лет: «Очень люблю математику, мне она легко дается, потому что я занимаюсь шахматами, а эти две вещи связаны. Когда меня с сестрой снимали, я расставил все свои доски, чтобы показать, какие у меня есть разнообразные шахматы, и наша кошка в этот момент начала разбрасывать фигуры. В итоге фото, кажется, неплохо получились».

Дуня Ковшарова, Ерофей и Илья Бабицкие

Фотография: Никита Шолов

Ерофей, 17 лет: «Хочу поступать в МГУ и сейчас ничем почти не занимаюсь, вот только в ЕГЭ очень дружно готовились. Когда-то давно ходил в музыкальную школу на балалайку, уже не играю, да и раньше особо не усердствовал. Из литературы мне Достоевский нравится, он отличный, умные вещи говорит. Я прочитал «Бесов», «Идиота», «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание»».

У меня две сестры и брат, родные. Им сниматься очень понравилось, хотя в реальной жизни мы почти ничего такого не делаем — ни в ванной не лежим, ни на гитаре не играем. Мама у меня художник, а папа — астроним-любитель. Часто объясняет нам всякие вещи, которые мы в школе не понимаем, и вообще просто интересные вещи. Себя лет через 20 я вижу бородачым-бородачым биологом».

Настя и Полина Веденяпины

Фотография: Никита Шолов

Полина, 16 лет: «Обычно мы с сестрой (ей 10) не так много общаемся. Наши беседы сводятся к паре фраз в стиле «огай, это мое» или «можно не входить в мою комнату?». Но, когда есть время, мы вместе гуляем, рисуем, сестра любит, когда я ей помогаю с ее школьными проектами. Из-за поступления у меня мало времени, Настя на меня обижается, может подойти сказать: «Знаешь, ты не обращай на меня внимания, потому что я не подарю тебе подарок на Новый год». Потом привалит и начнет говорить, что очень меня любит. Когда мне самой было 10, я думала, что у меня наивности-то появился человек, с которым я буду играть без остановок, у нас совпали интересы. Сейчас, конечно, все не так, но она тоже становится какой-то взрослой, с ней можно просто поговорить, и это очень здорово».

Я и сама люблю фотографировать и думаю этим потом заняться. Я часто бываю в музее вроде МАММ, но я совсем себе не представляю, что такое съемка, пока Никита не пришел. Первая съемка была очень странной, он надел на нас халаты, и мы должны были завтракать. Представьте себе, что два ребенка платятся за завтракать, что они едят и заправляют, и мы очень весело. Но самая странная съемка была в ванной, она у нас очень розовая, как у таких настоящих девочек, и мы в розовой одежде должны были залезть в воду с нашим шипением на руках. Еще я бежала в каком-то очень красивом мамином платье на тренажере. Как я поняла, идея фотографа в том, чтобы как-то утрировать образы и потом запечатлеть это, только тогда это будет круто и интересно выглядеть».

Фотография: Никита Шохов

Виктория, 15 лет: «Я занимаюсь в театральной студии на ЗИЛе, она называется «Город мастеров». Мечтаю связать с этим свою жизнь, решила для начала пойти в художественный колледж и стать гримером. Свободное время по-разному провожу — сегодня вот была на концерте Дианы Арбениной. Вообще, очень люблю собак и уделяю им много времени, кожу на собачьи выставки. У меня такса Дрема».

Когда мы предвзвешивали съемку, даже не ожидали, что это будет настолько интересно. Больше всего понравилась съемка в ванной. Мы с братом пытались изобразить танец рок-н-ролл (мы учили его на юбилей нашего театра), после чего мама надела на брата белое одеяние, и, как я помню, он возомнил себя Богом».

Комментарии автора

— О чем эта выставка?

— Куратор галереи «Пересветов переулок» Лариса Гринберг дала мне полную свободу. У меня не было установки снимать детей только по-доброму. За что ей спасибо. Впрочем, работа затянулась на целых 8 месяцев: я просто не знал, с какой стороны подойти к этой теме. Я обозначил для себя следующие пункты: дети как взрослые, сюрреализм и музыка. Эту систему, конечно, видно уже непосредственно на выставке. Все фотографии разделены на четыре блока: кухня, детская, ванная, гостиная. Вы только представьте, в каком мире мы живем: среднестатистическому человеку, в том числе ребенку, под личное пространство отведены только эти четыре функциональных помещения. А насколько это согласуется с самой природой человека? Именно этот тезис четырех личных пространств и лег в основу экспозиции.

Обязательным условием было привлечь детей из района «Автовзводской», где и находится сама галерея. Остальных я искал сам. Конечно, в первую очередь я пошел к детям из лагеря «Камчатка» — их я уже фотографировал, а других контактов у меня не было. Вообще, из пятидесяти опрошенных семей участвовать согласились 11. Еще могу сказать, что камчатские дети принципиально отличаются от тех, что живут в районе «Автовзводской» по отношению к камере. Для детей из «Камчатки» камера — это что-то естественное и привычное, у них медийное воспитание, они с детства актеры. Здесь родители вообще порой не знали о факте съемки. Для детей, которые живут вокруг ЗИЛа, камера — это событие; они стеснительны и открытены, они не играют на камеру. Родители здесь максимально участвуют в съемке, все контролируют. Это непривычный для меня опыт.

— Что у вас за специализация такая — типологии русского человека, от черноморских нудистов до московских посетителей ночных клубов?

— Если говорить вообще, основной критерий типологии людей для меня — это рефлексия, и в этом смысле люди делятся на два типа: мыслящие прямолинейно и мыслящие критически. И не важно, выпускник ли это Школы Родченко, представитель высшего класса или бюджетник, — прямо мыслящие люди есть везде, и их большинство. Вот мне их изучать интереснее, я все делаю ради них.

Еще год назад я каждый день следил за политикой России, сейчас меня не очень интересует сегодняшний день. Сильнее меня занимает универсальность: человек в принципе. Фотография — особенное средство. Она демократична, жива и всех уравнивает. Я снимал, например, этих детей в домах с гигантским диапазоном доходов родителей. Технический медиум стирает социальные границы. На моих изображениях с точки зрения фотографической формы все подростки выглядят одинаково. Но в фотографии есть содержание, которое никогда не скроет социальные различия.

— На чем вы вообще зарабатываете?

— Деньги в этом мире в основном платят за рекламу (в широком смысле), и это действительно благодарная работа. Вряд ли мои фотографии можно назвать рекламой русского народа. И у меня совершенно нет ни времени, ни желания заниматься продвижением коммерческой стороны моей деятельности, поэтому я вынужден соглашаться на всякую мелкую работу, которую мне предлагают. Например, поснимать вернисажи в галереях, репродукции живописи и другого искусства. Друзья просят пофотографировать на свадьбе, редко заказывают архитектуру. Бывают совершенно невообразимые штуки вроде «сними нам барный держатель под шампанское» или «сними процесс прокладки канализации».

Редко коллекционеры, будто чувствуют, в нужный момент покупают мои отпечатки. Кураторы изредка платят за участие в выставках. Я вообще за то, чтобы все кураторы начали платить авторам за групповые выставки, а все авторы — научились отказываться от бесплатного участия. На дворе далеко не 90-е.

Никита Шохов, фотограф
Фотография: из личного архива

Никита Шохов: «Критикуя, я пытаюсь уравновесить действительность»

0

🕒 23 Сен 2014   👤 Автор: *Наталья Протасеня*

Наталья Протасеня о молодой российской фотографии

Никита Шохов, выпускник **Школы Фотографии и Мультимедиа им. А.Родченко**, **призер фестиваля World Press Photo 2014**, участник Параллельной программы **Манифеста 10** и один из самых острых, ироничных и неразговорчивых молодых фотографов рассказал Натальи Протасене о том, как и зачем он стал художником.

Наталья Протасеня: Расскажи, что там произошло на **выставке в Первоуральске**, в которой ты участвовал этим летом?

Никита Шохов: Мой приятель, фотограф из Екатеринбурга, Сергей Потеряев – мы с ним познакомились еще лет шесть назад – решил сделать выставку уральских фотографов. Там была моя серия «Черноморские каникулы». И какие-то местные художники пришли и попытались избить Сергея, мол, почему вы показываете такую мерзость? Говорили, что этому место на Винзаводе, а не здесь. Круто, что они знают про Винзавод – меня это порадовало.

НП: Как ты начал снимать? Ты сначала учился в какой-то фотошколе в Екатеринбурге?

НШ: Я учился в Екатеринбурге в юридическом институте и понял, что это не мое. Только поступил, и сразу понял. И нашел ВГИК, операторский факультет. А там, чтобы поступить, надо было сдавать фотографию. Так я понял, что мне надо научиться снимать. И пошел в фотоклуб, потом в одну из коммерческих фотошкол в Екатеринбурге. И потом я стал там работать. Это была фотошкола, совместная с фотостудией и фотоагентством, и я стал там снимать репортаж и ночные клубы.

НП: А потом поехал в Москву поступать в Школу Родченко?

НШ: Нет, я сначала три года пытался поступить во ВГИК. Не поступил. И на четвертый год решил поступить в Школу Родченко к Игорю Мухину на курс «Непосредственная фотография». Была одноименная группа фотографов во времена Перестройки – туда входили Мухин, Ефимов, Михайлов, Слюсарев и другие.

Никита Шохов, из серии "Рублевка", 2012-2013 // Фото предоставлено автором

НП: Ты себя позиционируешь как фотограф-документалист?

НШ: Нет.

НП: А как?

НШ: Ну что значит, позиционируешь... Это подразумевает какие-то ограничения: «Этим я хочу заниматься, а этим – не хочу». А я хочу экспериментировать.

НП: В каком поле лежит твой эксперимент?

НШ: Сегодня в одном, завтра – в другом.

НП: Но что тебе сейчас интересно?

НШ: Если ты была в галерее *Random* на выставке Александра Евангели, ты там могла видеть мои работы с митингов и из театра, где я экспериментировал с цифровыми искажениями. Получается, что это не документальная фотография. Только если отчасти.

НП: А какая это фотография?

НШ: Ну Евангели и эту фотографию назвал непосредственной.

НП: Что в твоём понимании «непосредственная фотография» сегодня? Давай попробуем дать ей определение.

НШ: Это сложно.

НП: Хорошо, давай отталкиваться от темы. Тебе какие темы в первую очередь интересны?

НШ: Например, религия. Серия «Утриш» и «Крестный ход» об этом.

НП: Но это ведь не совсем про духовные поиски, это скорее гротеск?

НШ: Пожалуй. Мне была интересна внешняя сторона процесса.

Никита Шохов, из серии Moscow Night Life, 2010-2014 // Фото предоставлено автором

НП: И как это выглядит для тебя? Смешно?

НШ: Нет, это совсем не смешно.

НП: Но это о чем? О слабости людей, которые пытаются упорядочить свое существование, придав ему какую-то материальную форму посредством ритуала? Что ты снимал там?

НШ: Это точно не слабость.

НП: Хорошо, а сексуальность? Например, твоя серия про ночные клубы.

НШ: Ну, клубы это совсем про другое.

НП: Про что? Про низовую культуру?

НШ: Скорее, про карнавал. И низовая культура, безусловно, тоже. При подготовке выставки в Галерее искусств Зураба Церетели этой весной Катя Иноземцева (шеф-куратор МАММ – прим. ред.) открыла для меня труд Михаила Бахтина о творчестве Франсуа Рабле. Бахтин разделяет жизнь на официальную и карнавальную. Могу назвать иначе – непосредственную. В официальной есть рамки, границы, оппозиции богатый/бедный, муж/жена – социальные роли. А есть непосредственная, где все это стирается.

НП: Но в случае с клубами оппозиция богатство/бедность все равно присутствует... Кто из фотографов тебе близок, на кого ориентируешься? Кроме Мухина.

НШ: Американская школа – Гарри Виногранд, Роберт Франк, Уильям Кляйн. Из современных: Терри Ричардсон, Давид Ля Шапель, Эни Лейбовиц.

НП: От этого списка веет глянцем. А у тебя этого нет. У тебя больше проступает скрытая драма, неприглядные стороны жизни, высокий градус интимности. Тем ты мне и нравишься. И не только мне.

НШ: Ну у меня нет как таковой интимности, я же снимаю все в общественных пространствах.

Никита Шохов, из серии "Черноморские каникулы", 2011-2012 // Фото предоставлено автором

НП: В этом-то и секрет. Ты снимаешь общественные пространства, но твои персонажи раскрываются тебе очень мощно. В серии про клубы это есть, в некоторых фотографиях из «Черноморских каникул». Ты этих персонажей, кстати, любишь?

НШ: Да, я их люблю. Они красивые.

НП: Но ты себя с ним отождествляешь? Если честно, кажется, что нет. У тебя есть момент отчуждения и критической позиции по отношению к тем, кого ты снимаешь. Ты как будто говоришь «Посмотрите, какие монстры!» Что ты на самом деле чувствуешь?

НШ: Нет, ну конечно, я не отношу себя к их кругу. Я не занимаюсь их развлечениями. Но я их не осуждаю.

НП: При этом, для тебя это, все же, «низовая» культура?

НШ: Ну конечно, в этом есть доля критики. Это неизбежно.

НП: Это, якобы, примитивно?

НШ: Ты имеешь в виду, что я ставлю себя выше, чем их? Нет.

НП: А как?

НШ: Это было бы слишком злобно.

НП: Но разве это не деградация? Разве это не нужно преодолевать?

НШ: Может, это и имело бы смысл, если бы что-то менялось. Но, как мы знаем от Михаила Бахтина, и 2000 лет назад подобная культура существовала. В Древней Греции происходило примерно все то же самое.

НП: То есть, ты изображаешь природу человека?

НШ: Ну да. Если бы я работал в банке, я бы так же развлекался. Ходил бы в Стрелку.

НП: Ну, в Стрелке все же нет тигров, клеток и монахинь.

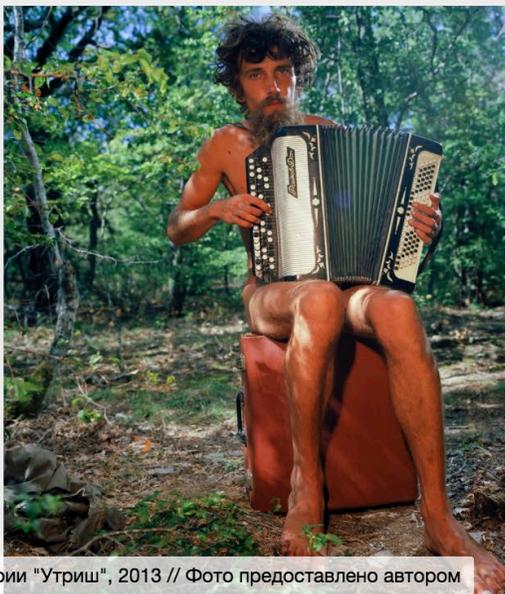
НШ: Ну да, там тусуется интеллигенция.

НП: То есть, ты разделяешь людей на интеллигенцию и неинтеллигенцию?

НШ: Ну да, это разделение существует, это факт. Это не я разделяю.

НП: Но снимать тебе интереснее в *Pacha*, а не в Стрелке.

НШ: Да, там больше фотогеничных вещей происходит.

Никита Шохов, из серии "Утриш", 2013 // Фото предоставлено автором

НП: Фотогеничных или скандальных? Например, кадр, где на девушке лежат двое мужчин... Или обожравшийся свиными ребрышками спящий мужчина?

НШ: Да, шок – это здорово.

НП: Но в этом есть определенная доля снобизма и спекуляции.

НШ: Без снобизма это будет официальная клубная фотография. А у меня много постановочных кадров.

НП: Даже так? Например, какие?

НШ: Где мужик с голым пузом смотрит на танцовщицу. Я попросил его сесть и расстегнуть рубашку.

НП: И ты хочешь сказать, что в этом нет снобизма?

НШ: А иначе кадр бы не получился.

НП: То есть, своими фотографиями ты утверждаешь некое расслоение общества на интеллигенцию и общую массу?

НШ: У меня не было такой цели.

НП: Но общая масса, на твой взгляд, примитивна?

НШ: Да, 95%. Хотя звучит это немного фашистски. Всегда было большинство, очень немногочисленные люди у власти и прослойка интеллигенции.

НП: Это разделение всегда существовало, не мы его придумали. Но ты фокусируешься именно на определенной части – на культуре масс. Тебе это интересно, а другое неинтересно.

НШ: Потому что это большинство. Потому что власть недостижима для фотографа. А интеллигенция мне не интересна, потому что она занимается тем же самым, что и я.

НП: Критикует быдло?

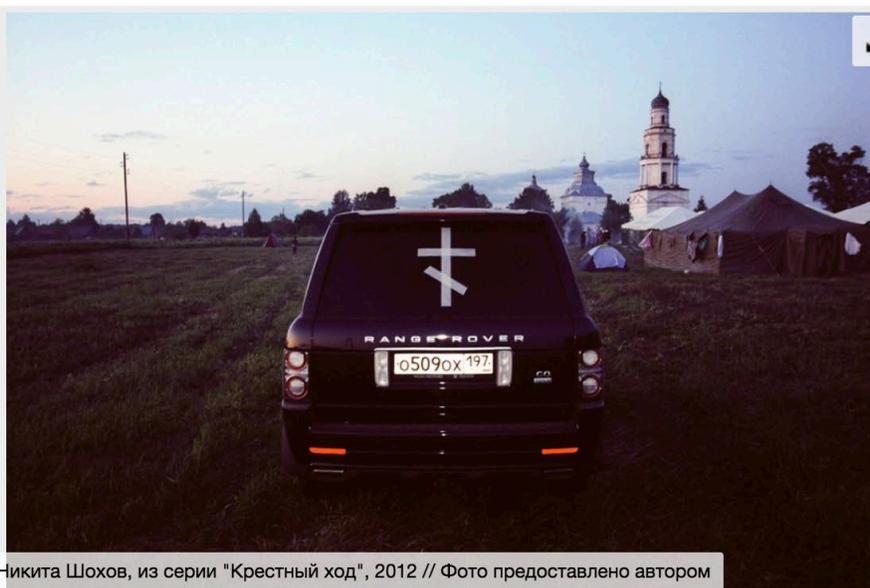
НШ: Нет. (Смеется)

НП: Тогда как можно определить позицию интеллигенции относительно большинства?

НШ: Интеллигенция пытается примирить власть и большинство, пытается найти точки их соприкосновения.

НП: Но она не пытается приблизиться к большинству. Изначально, отчуждение между интеллигенцией и большинством огромно. Что можно сделать при таком раскладе?

НШ: Да, так всегда и было. Но если бы я был частью большинства, я вряд ли мог бы делать что-то из того, что я сейчас делаю. Критикуя, я пытаюсь уравновесить действительность, найти баланс.

Никита Шохов, из серии "Крестный ход", 2012 // Фото предоставлено автором

НП: Тебя Школа Родченко чему-то научила?

НШ: Всему.

НП: Чему, например?

НШ: Школа Родченко построила мой жизненный уклад. Ты всю жизнь не знал, чем заниматься, а тут – раз, Школа Родченко: и ты знаешь, чем заниматься.

НП: Ты же и до этого занимался фотографией.

НШ: Но это было не то.

НП: А что ты понял в Школе?

НШ: Я понял, что фотография – это искусство. Нас этому учили три года. Учили взгляду. Учили тому, о чем мы с тобой говорили в контексте интеллигенции.

НП: Вам транслировалась идея о том, что на вас возлагается некая сакральная миссия? Или вам сказали: «Вы теперь интеллигенция, ребят!»?

НШ: Нет. Скорее: «Вы теперь художники».

НП: И что вы должны делать?

НШ: Критиковать. Вообще, Школа Родченко все-таки построена по принципу того, что запад прав, а восток – отсталый. И надо запад догнать. Но это лишь одна точка зрения, и не факт, что она полностью правильна.

НП: А если тебе не хочется критиковать, что тогда?

НШ: Ты покидаешь Школу Родченко.

НП: Так, а роль-то художника в чем, вам объяснили?

НШ: Ты от меня требуешь какой-то манифест?

НП: Нет, мне интересны ощущения человека, который внезапно начинает осознавать себя в качестве художника.

НШ: Это мне облегчило поиск пути. То, до чего я сам дошел бы годам к сорока, показали мне в школе за три года.

Никита Шохов, из серии "41 секунда", 2013 // Фото предоставлено автором

НП: Тебя Школа Родченко чему-то научила?

НШ: Всему.

НП: Чему, например?

НШ: Школа Родченко построила мой жизненный уклад. Ты всю жизнь не знал, чем заниматься, а тут – раз, Школа Родченко: и ты знаешь, чем заниматься.

НП: Ты же и до этого занимался фотографией.

НШ: Но это было не то.

НП: А что ты понял в Школе?

НШ: Я понял, что фотография – это искусство. Нас этому учили три года. Учили взгляду. Учили тому, о чем мы с тобой говорили в контексте интеллигенции.

НП: Вам транслировалась идея о том, что на вас возлагается некая сакральная миссия? Или вам сказали: «Вы теперь интеллигенция, ребят!»?

НШ: Нет. Скорее: «Вы теперь художники».

НП: И что вы должны делать?

НШ: Критиковать. Вообще, Школа Родченко все-таки построена по принципу того, что запад прав, а восток – отсталый. И надо запад догнать. Но это лишь одна точка зрения, и не факт, что она полностью правильна.

НП: А если тебе не хочется критиковать, что тогда?

НШ: Ты покидаешь Школу Родченко.

НП: Так, а роль-то художника в чем, вам объяснили?

НШ: Ты от меня требуешь какой-то манифест?

НП: Нет, мне интересны ощущения человека, который внезапно начинает осознавать себя в качестве художника.

НШ: Это мне облегчило поиск пути. То, до чего я сам дошел бы годам к сорока, показали мне в школе за три года.

Никита Шохов, из серии "41 секунда", 2013 // Фото предоставлено автором

НП: Расскажи напоследок, что это за скандал был, когда ты слишком активно применил *Photoshop* в своих фотографиях?

НШ: Почти во всех своих сериях я экспериментировал с *Photoshop*. Смотри, вот раньше была пленка. Потом появилась цифра. И фотографы снимают на цифру так же, как они снимали бы на пленку. Тем же методом, которому уже больше сотни лет. Но с цифрой этот метод не работает так, как он работал с пленкой, потому что цифра – это совершенно другой инструмент. Были некоторые очень успешные попытки: Андреас Гурски сделал то, что не свойственно пленке. Еще было несколько успешных примеров. И, вдохновившись этим, мне захотелось сделать что-то, что не свойственно пленке. До 30-х годов с фотографией работали, как с живописью. Потом фотография нашла свой язык, который не свойственен живописи – появилась экспрессия, момент, несвойственное живописи кадрирование, скорость. А сейчас вновь возник новый виток. И если до 30-х фотографию пытались сделать живописной, то мы сейчас пытаемся сделать цифровую фотографию – пленочной. А в цифре сейчас скорость, экспрессия и момент – все, что было важно пленке – совершенно не важны. И поэтому такой подход не работает. Претензия ко мне со стороны приверженцев непосредственной фотографии, в частности, Игоря Мухина, заключалась в том, что если я хочу экспериментировать с *Photoshop*, то мне нужно идти в другую мастерскую. С точки зрения Игоря Мухина, непосредственная фотография – это работа с реальностью: делай что хочешь, но только в поле реального. А работа с реальностью и работа с материалом – совершенно разные процессы, два разных типа мышления. Мне понадобилось полгода спора с преподавателем, чтобы понять это.

НП: То есть, тебе интереснее работать с материалом?

НШ: Нет, мне интереснее работать с реальностью, это просто были эксперименты. Я не хочу сказать, что работа с материалом – это единственная возможность работы с цифровой фотографией. Просто Гурски это уже открыл, и мы знаем, как с этим работать. А вот как работать с реальностью и с цифрой – это большой вопрос.

НП: А где вообще грань между простой ретушью и цветокоррекцией в *Photoshop* и более ощутимыми манипуляциями с изображением?

НШ: Прибегая к цветокоррекции, мы не изменяем реальность. А если мы что-то меняем – мы создаем вторую, несуществующую реальность.

НП: То, что изображено на фотографии, уже есть некая вторая реальность по отношению действительности.

НШ: Значит, здесь мы добавляем еще и третью реальность. Когда добавляем объекты, которых изначально не было. Это уже не слепок с изначальной реальности.

KEHRAUS NACH PUTINS WAHL

Nach der Wiederwahl von Wladimir Putin in das Präsidentenamt sucht der Staat nach neuen Methoden, um Journalisten zu kontrollieren. Der Fotograf Nikita Schochow hat sich darüber Gedanken gemacht, was wohl wäre, wenn Putin eines Tages nicht mehr an der Macht wäre. Mit einer Porträtserie hat er ein utopisches Szenario entworfen.

Im kalten Januar 2012 schien es, als könne dies ein großes Jahr für die russischen Journalisten werden: Im Moskauer Zentrum protestierten mehrfach hunderttausende Menschen. Und es waren russische Journalisten, die vor dem Parlamentswahltag im Dezember 2011 eine wichtige Rolle bei der Mobilisierung der Zivilgesellschaft spielten. Bekannte Publizisten wie Leonid Parfomenko, Dmitrij Bykow oder Sergei Parfomenko riefen zu Protesten auf. Daneben noch weniger bekannte Reporter wie Ilya Klachin gründeten Gruppen auf Facebook, auf deren Beispiele für angebliche Wahlbeeinträchtigungen gesammelt und Diskussionen über die weiteren Schritte geführt wurden. Das erst im Vorjahr gegründete Fernsehsender „Dostuch (Zugang)“ erlebte seine Sternstunde: Mit Liveübertragungen von den Demonstrationen und Diskussionsrunden der Oppositionsführer wurde er mit einem Millionenaußenumsatz bekannt.

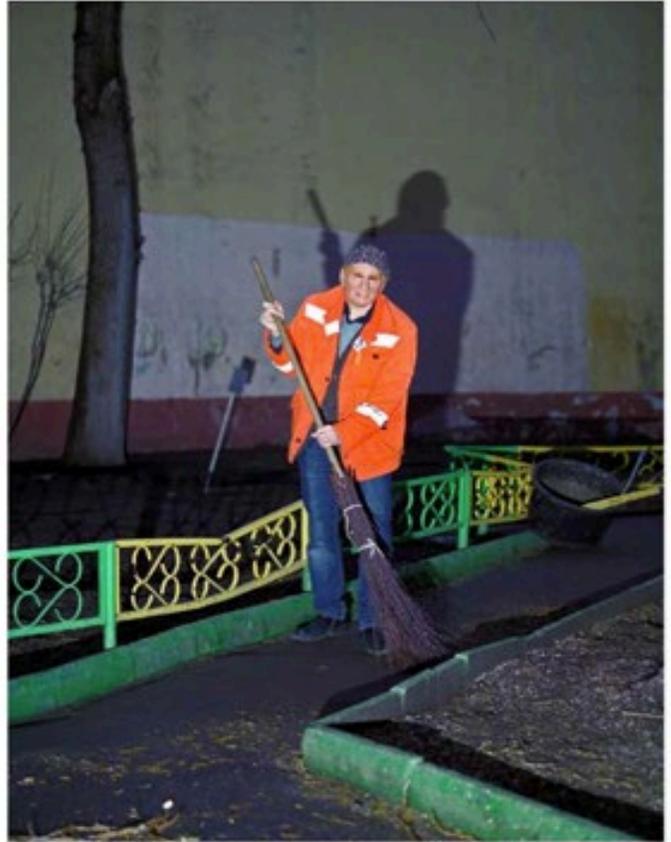
Und selbst durch die staatlichen Medien schien ein Rock an gehen: Nach dem Schock der ersten Demonstrationen reagierten diese nicht nur mit eingeschränkter objektiver Berichterstattung über die Proteste, sondern sie luden auch Oppositionelle ein, die zuvor als inakzeptabel galten: In Talkshows saßen plötzlich radikale Oppositionelle wie Sergei Udaltsov und weniger radikale, aber dennoch unerwünschte wie der Antikorrupsionsaktivist Alexei Nawalnyj. Nach der Wiederwahl von Präsident Wladimir Putin im März ging allerdings

nicht nur den Protesten die Luft aus: Auch in den Medienhäusern kehrte wieder der Alltag ein. Die staatlichen Fernsehsender diskreditierten im Sommer in mehreren bezugslosen Dokumentationen die Oppositionsführer sowie die Mitglieder der Park-Bund „Pussy Riot“, die wegen einer Protestaktion in der Moskauer Christ-Erlöser-Kathedrale verurteilt worden waren.

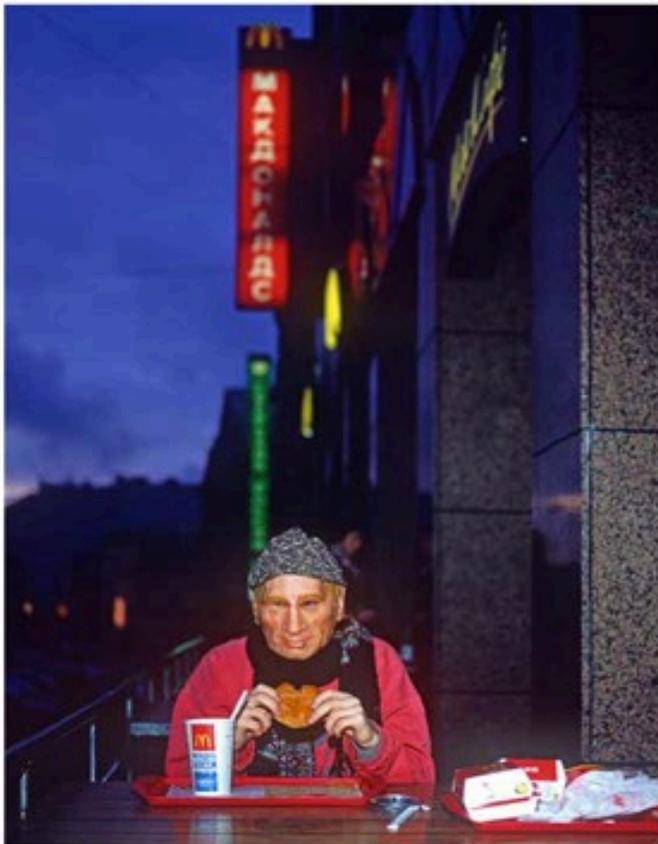
Der Fernsehsender „Dostuch“ hat sich indes als „Oppositionskanal“ etabliert: Vor den Wahlen für den Koordinierungsausschuss im Herbst liefen dort über mehrere Wochen politische Debatten mit den Kandidaten der Opposition gegen Putin. Die staatlichen Behörden ignorieren den Sender bislang weitgehend. Dabei sendet er aus einem Moskauer Studio in einer sehr Schockladenförmlich, das nur ein paar Hundert Meter vom Kreml entfernt liegt. „Vom russischen Staat zu uns, üblich wie in dem Radiosender „Echo Moskwa“ oder der Wochenzeitschrift „Nowaja Gazeta“, ein Ventil, das in einem solchen System benötigt wird, um Druck abzulassen“, sagt der 26-jährige Chefproduzent des Senders, Roman Dowlengiljew. Und es sieht danach aus, als wäre die russische Journalistengeneration in die eher pragmatische

Akademikern Pragmatismus zogen sich verschiedene Bürgerjournalismus-Projekte, die inzwischen entstanden sind: Im September 2011 wurde das Videosportal „rbc.ru“ gegründet, das mit Live-Übertragungen von den

Im Frühjahr zum Straßenkampf: Der Fotograf Nikita Schochow hat sich mit einer Porträtserie auf die Straßen von Moskau begibt.

RUSLAND

11

RUSLAND

Während die westliche Welt sich in Russland trotz aller Vorurteile als ein Land mit einer Pluralität auf die Straßen von Moskau begibt.

Wahlprozessen sowie von Übertragungen der Sitzungen der unterschiedlichen Koordinationsräte der Opposition glänzte. Die Verunsicherung der Öffentlichkeit war groß, als bekannt wurde, dass das Projekt vom russischen LKW-Hersteller „Kamaz“ finanziert wird. 49,9 Prozent der Kamaz-Aktien gehören schließlich dem russischen Staat.

Der 26-jährige Ilya Wurlanow, Gründer von „rbc.ru“ und einer der bekanntesten Blogger des Landes, hat damit kein Problem: „Als mir vorgeschlagen wurde, ein Medium mit staatlicher Finanzierung zu forcieren, habe ich darin nichts Schönes gesehen. Im heutigen russischen System gibt es oben nur an einem Ort Geld. Der Rest hat sich nie in die redaktionelle Politik von „rbc.ru“ eingeschrieben.“

Dass ein Medium ohne stabile Finanzierung existieren kann, musste die von mehreren bekannten Moskauer Journalisten im August gestartete Internetzeitung „rbc.ru“ feststellen: Nach nur wenigen Monaten wurde das Projekt eingestrichen, weil das über Crowdfunding gesammelte Geld nicht reichte.

Auch das in diesem Jahr gestartete Projekt „PublicPost“, das sich als Plattform für Bürgerjournalisten aus dem ganzen Land versteht, wird von einem Staatsunternehmen finanziert. In diesem Fall ist es die russische Sparkasse „Sberbank“. Die Plattform „PublicPost“ profiliert sich mit gut recherchierten Reportagen aus dem ganzen Land. Ideengeber und Mitbegründer ist Alexei Wenediktow, der hochangesehene Chefredakteur des liberalen Radiosenders „Echo Moskwa“ – der allerdings dem Staatsunternehmen „Gazprom“ gehört.

Mit Interviews und Skandalen verfolgt die Öffentlichkeit, wie das noch von Präsident Dmitrij Medwedjew angestrebte Projekt eines öffentlich-rechtlichen Fernsehsenders Fortschreiten. Im Januar 2012 sollte der staatlich finanzierte Kanal per Internet, ab Mai auch per Kabel und Satellit senden. Der direkte staatliche Einfluss auf die Finanzierung hat die Idee eines „öffentlich-rechtlichen“ Kanals als überdehnt gefühlt. Hoffung macht allerdings, dass der Sender von Anatolij Ljapenko und damit von einem erfahrenen und auch in der Opposition angesehenen TV-Veteranen geleitet wird.

Für regionale Medien ist die Möglichkeit, frei zu berichten, von zwei Faktoren abhängig: persönlicher Einsatz und Wirtschaftlichkeit – einzige Ausnahme bleibt die der Nordkaukasus. Finden sich dagegen untereinander selbstbewusste und journalistisch bleibende Verleger, dann es gelingt,

eine tragfähige Finanzierung aufzubauen, können sich seine Journalisten ihre Unabhängigkeit leisten. Die moskauer „Vremennaja Gazeta“ russischer Verleger („AN“) riefte 2012 russlandweit innerhalb 17 wöchentlichen - vor vier Jahren waren es nur 14 -

Positive Beispiele gibt es überall im Land: Im sibirischen Jakutsk scheint die unabhängige Zeitung „Wremennaja Jakutsk“ Marktführer mit einer Auflage von 6.000 Exemplaren – den regionalen Behörden auf die Finger. In Barnaul, der Hauptstadt des Gebiets Altai, ist der „Swerdlovy Kurs“ (Trotz Kurs) mit 1000 eine freie Initiative der Zivilgesellschaft. Und in der Moskauer Vorstadt Schokowki organisiert die Zeitung „Schokowki West“ die Zivilgesellschaft 2013, so erzählt Chefredakteurin Natalja Smolenskaja, will die Zeitung sogar Wahlen zu einem alternativen Bürgermeister veranstalten.

Zwei stützte die Moskauer Journalistenorganisation „Stiftung zum Schutz von Glasnost“ auch im Jahr 2012 knapp von städtischen Anträgen auf Journalisten. Aber die Strategie der regionalen Verwaltungen scheint inzwischen dahin zu gehen, mit „weichen Instrumenten“ Einfluss zu nehmen. Ein Beispiel dafür waren jüngere Michail Fedosejew, Vorsitzender des Menschenrechtsrats beim russischen Präsidenten: Immer mehr regionale Medien werden mit gut bezahlten „Informationsverträgen“ von den lokalen Behörden abhängig gehalten. In diesem Vertrag verpflichten sich ein Medien, dass es in einem bestimmten Umfang über die Arbeit des Gouverneurs oder des Bürgermeisters berichtet und dafür Geld erhält. ANKI-Direktorin Anna Koschman, viele die Gefahr solcher Informationsverträge für die unabhängigen Medien allerdings gesehen. Der Anteil der „Informationsverträge“ am Budget der von ANKI vertretenen Medien sei sehr gering. „Wir unabhängig war, mehr unabhängig, auch mit einem solchen Vertrag“, behauptet sie.

Strukturiert sind die russischen Medien den gleichen Bedingungen ausgesetzt wie in Westeuropa oder in den USA: Fernsehen, Radio und Printmedien verlieren zunehmend Zuschauer, Zuhörer und Leser und mit ihnen wandern auch die Anzeigenkunden ins Internet ab. Im April überholte das Portal „Yandex“ das russische Pendant zu „Google“ erstmals den staatlichen „ersten Kanal“ des russischen Fernsehens. Das Marktfor-schungsinstitut TNS gibt an, dass täglich 9,1 Millionen Menschen „Yandex“ aufrufen, während die Zahl der Fernsehanschauber beim „Ersten Kanal“

RUSLAND

12

war noch bei 0,4 Millionen lag. Die führende Rolle der sozialen Fernsehkanäle bei der Meinungsbildung wird durch das Internet immer stärker in Frage gestellt.

Unter den Internetusern sagte 2014 ein neu eingeführtes staatliches Register für Benutzerlogins: Auf einem speziell eingerichteten Portal können Blogger und Webseiten neuzulassen Seiten erstellen, die Inhalte enthalten, deren Verbreitung in Russland verboten ist. Die staatliche Medienaufsichtsbehörde „Roskomnadzor“ prüft dann die jeweilige Seite und fordert den Besitzer dazu auf, die Information zu entfernen, oder dem Provider sagt, die Website zu blockieren. Allerdings hat sich die Sorge der Nutzer bislang nicht bestätigt, dass auf diese Weise viele unabhängige Blogger und Online-Medien blockiert würden. In den ersten Monaten seit Einführung des Registers sperrte die Behörde nur allein Seiten, die Andeutungen zu Selbstmorden, zur Herstellung von Drogen oder Kinderpornografie enthielten.

Zwei Gesetzesänderungen waren allerdings für die Medien folgenschwer: So wurde der Verleumdungsparagraph wieder in das Strafrecht einbezogen. Diese Regelung hatte das russische Parlament zunächst aus dem Strafrecht im Dezember 2011 im Verleumdungsrecht „übertragen“. Seit Juli 2014 ist der Paragraph jedoch wieder Teil des Strafrechts. Dabei nennt das russische Justizministerium für angelegte Verleumdung nun zwar nicht mehr – wie vor 2011 – Haftstrafen, dafür aber ein hohes Geldstrafen. Außerdem wurde ein Gesetz zum Schutz der Kinder vor schädlicher Information neu geschaffen, das Medien seit September dazu verpflichtet, ihre Produkte mit den Altersbeschränkungen 6+, 12+, 16+ und 18+ zu markieren.

Das Direktor des wichtigen Moskauer Verlages „Rambler-Afisha“, Juri Sagrykin, hält allerdings ein dieses Gesetz, das 2014 verabschiedet wurde, für weitaus folgenschwerer: das Verbot für Alkoholwerbung im Internet und in den Printmedien, das zum 1. Januar 2015 in Kraft trat. Nach Schätzungen der russischen Internet Zeitung „RBC Daily“ fallen dadurch für die Print- und Online-Medien auf einen Schlag rund 20 Millionen Euro ihrer jährlichen Werbeeinnahmen weg. Problematisch sei dies insbesondere für die Hochglanzmagazine, die in Russland nach dem Antismoking-Pakt zu einem wichtigen Zuschauer für viele kritische Journalisten geworden sind. „Eine Zeitschrift wie das Männermagazin „Esquire“ verliert damit je bis 40 Prozent ihres Budgets. Das kann sie

Paul Gales (Mitl.) steht im Winter und trägt einen Schal. Er ist ein bekannter Journalist, der in der russischen Medienlandschaft eine wichtige Rolle spielt.

15

16

Als Regierungschef hatte Putin auch im Winter 2014 an der Spitze gestanden, bevor er im März 2017 wieder in den Kreml zog.

17

18

mit nichts ersparen“, sagt Sagrykin. Der Medienfachmann glaubt außerdem, dass in Russland die Zensur zu Ende geht, in denen es für einen Oligarchen zum „guten Ton“ gehörte, sich seine eigene Zeitung zu leisten. „Das Medienmonopol wird immer professioneller“, so Sagrykin. Entweder lässt sich Geld verdienen oder das Unternehmen wird wieder verkauft. „Der Profit steht an erster Stelle – was unter anderem bedeutet, dass politische Risiken verringert werden.“ Als Beispiel nennt Sagrykin die Entlassung des langjährigen Chefredakteurs der Wirtschaftszeitung „Kommersant Wost“, Maksim Kowalski. Er hatte in seinem Blatt Wahlrecht und linken Beschäftigten von Russland damaligen Regierungschef und heutigen Präsidenten Wladimir Putin abgedruckt. In den vergangenen Jahren hatten die russischen Medien ein russisches Journalisten die Frage aufkommen lassen, welchen Status die Meinungsfreiheit in Russland überhaupt noch hat. Im Jahr 2014 ging zumindest die Zahl schwerwiegender gewalttätiger Angriffe gegen Journalisten zurück. Dennoch kam es zu einer Reihe von schwerwiegenden Zwischenfällen: So wurde am 08. Mai der lokale Moderator des Senders „Echo Moskwa“, Sergei Ananjin, bei einer Moserattacke schwer verletzt. Er gab später zu Protokoll, der Angreifer habe ihn bei dem Überfall angeschrien: „Du bist ein Feind Allahs“, was auf ein extremistisches Motiv hindeuten könnte. Ananjin hatte kurz zuvor in einer Sendung den Propheten Mohammed mit einem Geschäftsmann verglichen. Die Äußerung hatte unter russischen Muslimen Unmut ausgelöst.

2014 gab es zwei Morde an Journalisten. Unbekannt erloschen am 5. Dezember der 08-jährigen Katelja Gekidze. Nachrichtensprecherin des staatlichen Senders „Wost“ in der Kaukasusrepublik Kabardino-Balkarien. Die Ermittler vermuten, dass es einen Zusammenhang zwischen dem Mord und Drohungen radikaler islamistischer Gruppen gegen andere Journalisten des Senders gibt. Nach Angaben der Moskauer „Nischnja zum Schutz von Glasnost“ gab es 2014 auf islamistischen Webseiten vermehrt Drohungen gegen Journalisten, die namentlich genannt wurden. So warfen radikale islamistische Nachrichtensprecherin des Senders „Wost“ vor, sie würden zu positiv über Söldneraktionen gegen die Rebellen berichten.

Bei dem zweiten Mordfall prüft die russische Staatsanwaltschaft noch immer, ob die Tat im Zusammenhang mit der journalistischen Tätigkeit des Opfers stehe. Der 24-jährige Roman Alexander Chobinski, der für die Lokalpresse im schirischen Tuluw schrieb, wurde im Juli 2014 wegen seines Engagements gegen ein Linkskaufertreffen getötet – mutmaßlich vom Chefredakteur der Eigenzeitung. Insgesamt scheitert die offene Gewalt gegen unabhängige Journalisten jedoch abnehmend. Dafür steigt aber der wirtschaftliche und administrative Druck auf die Medien. ANKI-Direktorin Koshchenko bestätigt diesen Befund: Die zur ANKI gehörenden Zeitungen können verstärkt eindringen, aber großen Druck von den regionalen Behörden erfahren. Dazu zählt Koshchenko Brandstiftungskontrollen, der Druck auf Werbekunden und Druckereien oder ganz pragmatisch der Abzug von Zeitungskiosken.

MORTI GADAMANI

www.russiaportal.de

20. November in Berlin Brandstiftung und Gewaltdelikt. Nach einem Telefonat beim Tagesspiegel ging es auch ab heute Journalisten werden auch Mord, dass in die Printmedien. Katelja Gekidze wurde am 05. Dezember 2014 in der Kaukasusrepublik Kabardino-Balkarien ermordet. Die Ermittler vermuten, dass es einen Zusammenhang zwischen dem Mord und Drohungen radikaler islamistischer Gruppen gegen andere Journalisten des Senders gibt. Nach Angaben der Moskauer „Nischnja zum Schutz von Glasnost“ gab es 2014 auf islamistischen Webseiten vermehrt Drohungen gegen Journalisten, die namentlich genannt wurden. So warfen radikale islamistische Nachrichtensprecherin des Senders „Wost“ vor, sie würden zu positiv über Söldneraktionen gegen die Rebellen berichten.

MORTI SCHENKOV

www.russiaportal.de

Gekidze 08.12.2014 in Kabardinka. Unbekannt erloschen am 5. Dezember der 08-jährigen Katelja Gekidze. Nachrichtensprecherin des staatlichen Senders „Wost“ in der Kaukasusrepublik Kabardino-Balkarien. Die Ermittler vermuten, dass es einen Zusammenhang zwischen dem Mord und Drohungen radikaler islamistischer Gruppen gegen andere Journalisten des Senders gibt. Nach Angaben der Moskauer „Nischnja zum Schutz von Glasnost“ gab es 2014 auf islamistischen Webseiten vermehrt Drohungen gegen Journalisten, die namentlich genannt wurden. So warfen radikale islamistische Nachrichtensprecherin des Senders „Wost“ vor, sie würden zu positiv über Söldneraktionen gegen die Rebellen berichten.

Рублевка

Фотограф НИКИТА ШОХОВ исследует быт и нравы знаменитой подмосковной местности

Когда я жил в Екатеринбурге, иногда слышал про загадочное место Рублевку. Никаких подробностей о ней я не знал. Было лишь отдаленное представление, что там деньги всей страны.

Уже будучи студентом школы Родченко, я побывал однажды ночью в концертном зале *Barvikha Luxury Village* и ничего не увидел, кроме огней.

Эта рублевская загадочность и натолкнула меня на мысль сделать фотоисторию о Рублевке.

Съемки проходили с апреля 2012-го по апрель 2013 года.

Я снимал три категории людей: новую элиту, местных жителей и гастарбайтеров. Как и везде, тут можно найти счастливых и несчастных людей. Выяснилось, что количество денег связано с количеством власти — но никак не связано с количеством счастья.

© Никита Шохов

Горки-9, на дальнем плане — забор резиденции Дмитрия Медведева

© Никита Шохов

Замок при въезде на Рублевку

© Никита Шохов

Pride Wellness Club, Жуковка, перформанс Елены Ковылиной, за столом коллекционер Дмитрий Аксенов

© Никита Шохов

Николина Гора, фестиваль рок-музыки Александра Липницкого We Art Weekend

Галерея Gridchinhall, село Дмитровское, летний праздник

© Никита Шохов

В галерее Gridchinhall, село Дмитровское

© Никита Шохов

Элита в Pride Wellness Club, Жуковка

© Никита Шохов

«Перекресток» в поселке Горки-2

© Никита Шохов

Николина Гора, фестиваль рок-музыки Александра Липницкого We Art Weekend

© Никита Шохов

Конноспортивный клуб «Новый век»,
Николо-Урюпино, сушка

Конноспортивный клуб «Новый век», Николо-Урюпино, сушка

© Никита Шохов

Вдоль Ильинского шоссе

© Никита Шохов

Конноспортивный клуб «Новый век», Николо-Урюпино, победитель соревнований

© Никита Шохов

Клуб «Хаски Лэнд», поселок Сосны

© Никита Шохов

Строители, село Дмитровское

© Никита Шохов

Местный житель у Москвы-реки, берег напротив — поселок Park Ville

© Никита Шохов

Москва-река, золотоискатель на пляже в Николиной Горе

© Никита Шохов

В селе Бузаево

© Никита Шохов

Пикник на Москве-реке, берег напротив — резиденция Владимира Путина

© Никита Шохов

Имение в поселке Большое Сареево

© Никита Шохов

Заготовка корма для скота, местные жители

© Никита Шохов

Село Уборы

© Никита Шохов

На заднем плане — поселок Жуковка XXI

© Никита Шохов

Усадьба «Архангельское», встреча весны

Усадьба «Архангельское», встреча весны

© Никита Шохов

Торговый центр Great House перед Новым годом. Баршиха

© Никита Шохов

Усадьба «Архангельское», копоннада

© Никита Шохов

Николина Гора, каток возле галереи «Гараж»

© Никита Шохов

Ресторан «Причал» Аркадия Новикова, Ильинское шоссе

☐ A l'aide d'un masque en caoutchouc à l'effigie du président russe, le photographe a fait poser son modèle dans des situations incongrues. A gauche, il agit un drapeau blanc, la couleur de ralliement des adversaires de M. Poutine qui ont organisé d'importantes manifestations à Moscou cet hiver pour protester contre les fraudes aux législatives du 4 décembre.

☐ La Russie s'est enrichie ces dernières années, mais les contrastes sociaux se sont aussi accentués. L'élite au pouvoir est plus que jamais coupée de la réalité des laissés-pour-compte.

Nikita Shokhov
Originaire de la région d'Ekaterinbourg, Nikita Shokhov est né en 1988, à la veille de la chute de l'URSS. Comme tous ceux de sa génération, il n'a donc quasiment connu que Vladimir Poutine, au pouvoir depuis 2000, comme dirigeant. Encore étudiant à l'école de photographie Rodtchenko, à Moscou, il travaille sur la nouvelle élite russe. Ses photos sont visibles sur Facebook.
> www.facebook.com/nikita.shokhov

Trompe-l'œil russe

PORTFOLIO | NIKITA SHOKHOV

Et si Vladimir Poutine n'avait jamais été élu ? S'il était resté un citoyen lambda ? Un jeune photographe russe l'a imaginé dans des situations quotidiennes

☐ Vladimir Poutine en homme du peuple, fréquentant le métro moscovite. Un contraste saisissant avec les habitudes des dirigeants : rien n'irrite plus les Russes que les cortèges de voitures VIP qui immobilisent à leur guise la circulation, symboles de l'arrogance des puissants.

☐ Vladimir Poutine torse nu, voilà qui ne surprendra pas les Russes, car le président s'exhibe volontiers dans des postures athlétiques. Mais un Poutine essoufflé et affaibli, c'est une image que les Russes ne verront jamais.

☐ Encore plus déroutant, Vladimir Poutine dans une buvette. L'homme est connu pour son mode de vie ascétique : il ne boit pas (ou peu), ne fume pas et fait du sport tous les jours.

L'INSENSÉ

L'INSENSÉ PHOTO

L'AGENCE

L'INSENSÉ FILMS

CURIOSITY GALLERY

LA GALERIE

NIKITA SHOKHOV

NIKITA SHOKHOV, SOCHI #11, 2011, SÉRIE SOCHI 2011. THE CITY OF THE FUTURE OLYMPIC GAMES
© NIKITA SHOKHOV

PHOTOGRAPHES

AES+F

NICOLAY BAKHAREV

KATERINA BELKINA

IRA BORDO

SERGEY BRATKOV

SERGEY BURASOVSKY

ALEXANDRA CATIERE

OLGA CHERNYSHEVA

SERGEY CHILIKOV

MAXIM DONDYUK

RENA EFFENDI

ALLA ESIPOVICH

LUCIA GANIEVA

VLADIMIR GLYNIN

NADYA GORODETSKAYA

ALEXANDER GRONSKY

ANNA KHARINA

VIKTOR KHMEL

& ELENA SUKHOVEEVA

A. KHOROSHILOVA

ALEXEY KISELEV

OLEG KULIK

SERGEY LOIER

PETR LOVIGIN

LILYA LUGANSKAYA

V. MAMYSHEV-MONROE

SERGEY MAXIMISHIN

BORIS MIKHAILOV

IVAN MIKHAYLOV

VLADIMIR MISHUKOV

EVGENY MOKHOREV

IGOR MOUKHIN

VIYA MURAGINA

VALERI NISTRATOV

MARGO OVCHARENKO

TIM PARCHIKOV

NATASHA PAVLOVSKAYA

GUEORGUI PERVOV

GUEORGUI PINKHASOV

KSENYA PLOTNIKOVA

IRINA POLIN

NIKOLAY POLISSKY

IRINA POPOVA

ANASTASIA RUDENKO

ARSEN SAVADOV

BORIS SAVELEV

NIKITA SHOKHOV

SOFIA TATARINOVA

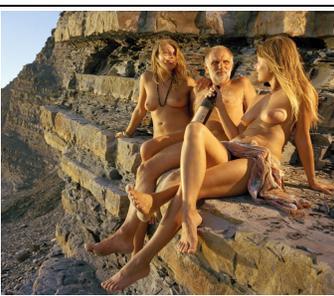
LEONID TISHKOV

& BORIS BENDIKOV

YURY TOROPTSOV

OKSANA YUSHKO

ALENA ZHANDAROVA

№ п/п	Название	Имя автора	Размер работы	Техника	Год создания	Тираж, шт.	Цена, евро (авторская/конечная)	Изображение размещаемого предмета искусства
1	Moscow Nightlife #2 Halloween, Chistye Prudy	Nikita Shokhov	90x60 cm 60x40 cm	Inkjet Print	2013	1/5 + 2 AP 1/9 + 2 AP	- 600/1200	
2	Sacred Procession #6	Nikita Shokhov	90x60 cm 60x40 cm	Inkjet Print	2012	1/5 + 2 AP 1/9 + 2 AP	750/1500 -	
3	Black Sea #3 Sochi	Nikita Shokhov	90x60 cm 60x40 cm	Inkjet Print	2012	1/5 + 2 AP 1/10 + 2 AP	750/1500 -	
4	Utrish #3 Eugeny, Helen and Katie	Nikita Shokhov	150 x 120 cm 100x80 cm	Inkjet Print	2013	1/3 + 2 AP 2/5 + 2 AP	- 1000/2000	
Итого:								

Nikita Shokhov

nikita.shokhov@gmail.com

WhatsApp +1 812 287 3038